2 экз
Н

СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ ГРУППА
„Реалистъ“

„Пров 49“

НУ!

Статья Р-тв въ № 7 журнала „Реалистъ“.

Genève.
Imprimerie du «Réaliste».
Acacias.
1905

Prix 40 cts.

Сущность нашего направленія заключаетъ въ себѣ двѣ главныя стороны, которыя тѣсно связаны между собой, но которыя однако можно и должно тутъ быть разсматриваемы отдѣльно и обозначаемы различными терминами. Первая сторона состоитъ изъ нашихъ взглядовъ на природу: тутъ мы принимаемъ въ соображеніе только дѣйствительно существующія, *реальныя*, видимыя и осязаемыя явленія или свойства предметовъ. Вторая сторона состоитъ изъ нашихъ взглядовъ на общественную жизнь: тутъ мы принимаемъ въ соображеніе только дѣйствительно существующія, *реальныя*, видимыя и осязаемыя потребности человѣческаго организма. Слово *реализмъ* выражаетъ превосходно сліяніе этихъ двухъ сторонъ, и никакое другое слово не выражаетъ этого сліянія вполнѣ удовлетворительно, потому что каждое изъ многихъ другихъ словъ направляется исключительно или на первую, или на вторую сторону. *Реализмъ*, напротивъ того, исчерпываетъ весь смыслъ нашего направленія до самаго дна и въ то же время онъ никого не пугаетъ и не раздражаетъ; il ne casse pas les vitres. Это слово — тихое, кроткое и глубокое: einfach, nett und daherhaft, какъ говорилъ Новалисъ о сочиненіяхъ Гёте.

Здравый смыслъ и значительная доля юмора и скептицизма составляютъ, мнѣ кажется, самое замѣтное свойство чисто русскаго ума.

Послѣдовательный реализмъ безусловно презираетъ все, что не приноситъ существенной пользы.

Когда я вижу предметъ, то не нуждаюсь въ діалектическихъ доказательствахъ его существованія: *очевидность есть лучшее ручательство дѣйствительности*.

Когда мнѣ говорятъ о предметѣ, котораго я не вижу и не могу никогда увидать или ощупать чувствами, то я говорю и думаю, что онъ для меня не существуетъ.

Предметъ уносится учеными критиками на вершины Олимпа россійской мысли, и густой туманъ скрываетъ его отъ глазъ обыкновенныхъ зрителей: кто попроще, тотъ начинаетъ благоговѣть, ничего не понимая, а кто смѣлѣе, тотъ закрываетъ книгу и говоритъ, что начинается «ерунда».

Самой метафизикѣ принадлежитъ только та діалектическая паутина, которую она прикрѣпляетъ къ различнымъ твердымъ тезисамъ, изготовленнымъ теософіей или наукой.

Итакъ, съ какой стороны ни посмотришь на діалектику и на отлеченную философію, она всячески покажется безполезной тратой силъ и переливаньемъ изъ пустого въ порожнее.

Страдать и бороться? Съ чѣмъ и за что?

Либеральный кодексъ извѣстенъ: отрицай розги и зуботычины, люби Росселя и Кавура, обнимайся, когда евреевъ называютъ жидами, затѣмъ, заручившись этими добродѣтельными чувствами, говори, пиши и дѣлай все, что угодно.

Главная обязанность либерала состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы всѣмъ выраженіемъ своей физіономіи, всѣми своими словами и всѣмъ внѣшнимъ видомъ своихъ поступковъ заявлять постоянно и ежеминутно свою пламенную и безграничную преданность великимъ идеямъ и интересамъ, которые возбуждаютъ въ немъ почти такія же чувства, какія персидская ромашка возбуждаетъ въ клопѣ.

Какъ вы примете что нибудь на вѣру отъ такого человѣка, который вамъ вовсе не хочетъ, чтобы вы ему вѣрили, и убѣждаетъ васъ не ссылками на авторитетъ, а доводами и аргументами?

Состязаться съ человѣкомъ одной школы съ вами пріятно: говоря съ нимъ, вы можете сослаться на положеніе учителя, и, лишь бы статья вашего общаго кодекса была подведена вѣрно, вашъ противникъ согласится съ вами и даже будетъ смотрѣть на васъ съ сугубымъ уваженіемъ, какъ на человѣка, которому полнѣе доступна неизреченная мудрость. Но спорить съ человѣкомъ другой школы совсѣмъ не то: вы сошлетесь на авторитетъ, а онъ вамъ скажетъ, что знать его не хочетъ; вы скажете: «это говоритъ Гегель!» а онъ отвѣтитъ: «а мнѣ что за дѣло!»

Я обсуждалъ явленія нашей критики, руководствуясь голосомъ простого здраваго смысла, и надѣюсь, что если мнѣ будутъ возражать, то возраженія эти будутъ вытекать изъ того же источника и не будутъ сопровождаться непонятными для публики ссылками на авторитеты Канта, Гегеля и другихъ.

Реалистъ убѣждается въ томъ, что намъ прежде всего необходимы знанія. Это — великая истина, превратившаяся даже въ избитую фразу, благодаря тѣмъ мудрецамъ, которые, произнося невозможныя слова, не могли понять во всю свою жизнь ни одной мысли. Но реалистъ не останавливается на голой фразѣ и немедленно выводитъ изъ основной идеи всѣ ея практическія послѣдствія.

Замѣнять рабочій скотъ людьми чрезвычайно невыгодно, потому что значительнѣйшая доля человѣческой силы (мозгъ) остается незанятою и теряется даромъ, между тѣмъ какъ призывается къ дѣятельности та часть человѣческаго организма (мускулы), которая въ человѣкѣ слабѣе, чѣмъ въ каждомъ изъ вьючныхъ животныхъ.

Человѣкъ, начинающій чувствовать себя властелиномъ природы, не можетъ быть рабомъ другого человѣка.

Въ то время (при Іоаннѣ III), при томъ глубокомъ уваженіи, которымъ пользовалось духовенство, оно могло имѣть и имѣло сильное и благодѣтельное вліяніе и на владѣльцевъ, и на рабовъ.

Въ наше время наука не ведетъ ни къ отрицанію законовъ нравственности, ни къ отрицанію истинъ религіи.

Умственный аристократизмъ — явленіе опасное именно потому, что онъ дѣйствуетъ незамѣтно и не высказывается въ рѣзкихъ формахъ. Монополія знаній и гуманнаго развитія представляетъ, конечно, одну изъ самыхъ вредныхъ монополій.

Пока наука не перестанетъ быть барской роскошью, пока она не сдѣлается насущнымъ хлѣбомъ каждаго здороваго человѣка, пока она не проникнетъ въ голову ремесленника, фабричнаго работника и простого мужика, до тѣхъ поръ бѣдность и безнравственность грудящейся массы будутъ постоянно усиливаться, не смотря ни на проповѣди моралистовъ, ни на подаянія филантроповъ, ни на выкладки экономистовъ, ни на теоріи соціалистовъ. Есть въ человѣчествѣ только одно зло — невѣжество; противъ этого зла есть только одно лекарство — наука; но это лекарство надо принимать не гомеопатическими дозами, а ведрами и сороковыми бочками. Слабый пріемъ этого лекарства увеличиваетъ страданія больного организма. Сильный пріемъ ведетъ за собой радикальное исцѣленіе.

Д. И. Писаревъ.

„Пров 49"
НД
13Д
1967

СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ ГРУППА

„Реалистъ"

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
014
28

НУ!

Статья Р-та въ № 7 журнала „Реалистъ".

Письма и запросы въ редакцію накопляютъ самый разнообразный матеріалъ, изъ котораго очень трудно построить шаблонно послѣдовательную статью. Каждое возраженіе по необходимости останавливаетъ на себѣ вниманіе, по необходимости создаетъ въ головѣ готовый отвѣтъ. Представимъ себѣ журнальный почтовый ящикъ, который обнимаетъ собою множество отвѣтовъ редакціи на полученные запросы и возраженія. Передъ читателемъ развертывается театръ войны, на которомъ окопавшіеся журналисты съ яростью отгрызаются отъ враговъ, нападающихъ со всѣхъ сторонъ. Для солиднаго, отягощеннаго неимовѣрнымъ запасомъ аммуниціи, журнала такое положеніе было бы не особенно удобнымъ: не угодно ли двинуть тяжелую артиллерію противъ мелькающихъ, какъ мухи, непріятелей, не угодно ли при каждомъ укусѣ искать совѣта и помощи въ необъятныхъ произведеніяхъ какого нибудь изъ авторитетовъ и друзей рода человѣческаго, не угодно ли пугать чучеломъ какого нибудь Фейербаха досадливыхъ маленькихъ противниковъ, которые и на самого Фейербаха то плевать хотятъ. Но въ особенности эти противники опасны для молодого изданія, которое не имѣетъ ни грохочущихъ пушекъ, ни тяжелыхъ ранцевъ съ кирпичами на спинѣ, которое по своей горячности засучиваетъ рукава и пускается въ рукопашный бой. И если драчунъ не обладаетъ смѣтливостью, если онъ не обладаетъ достаточной силой и ловкостью, то возвращается въ свое логово съ грустнымъ видомъ и помятыми боками.

Недѣлю тому назадъ одинъ изъ нашихъ читателей N проводилъ свободный вечеръ въ семьѣ своего знакомаго и принесъ съ собою № 2 «Сила и Право». Завязался оживленный разговоръ. Сослуживцы сравнили свое положеніе съ положеніемъ прислуги, негодовали на то, что начальство, состоящее въ большинствѣ изъ университантовъ, не уважаетъ въ своихъ подчиненныхъ достоинства человѣка и т. д. Въ разгаръ разговора пришелъ новый посѣтитель К. N не любилъ его, какъ плохого товарища и вѣчно заискивающаго передъ начальствомъ проходимца. Разговаривавшіе замолкли. К взялъ со стола журналъ и сталъ небрежно перелистывать. — Откуда это вы достали эту ерунду? — послѣдовалъ вопросъ. — Почему это ерунду? — возразилъ N. К очевидно въ глаза не видалъ «Реалиста» и только слыхалъ о немъ. Въ общихъ фразахъ онъ распространился о томъ, что журналъ ненаученъ, что разитъ «писаревщиной», что всѣ, отъ кого онъ слыхалъ о немъ, возмущаются критикой соціалдемократіи и что, наконецъ, заграничное студенчество терпѣть не можетъ этого изданія. N замѣтилъ, что общественное мнѣніе для него ничто, что 99 процентовъ заграничнаго студенчества — худшіе буржуа — еврейскіе буржуа, а если общественное мнѣніе прислушивается къ голосу заграницы, то это не говоритъ въ пользу общественнаго мнѣнія. К возразилъ, что большая часть заграничнаго студенчества находится подъ вліяніемъ русской партіи соціалдемократовъ. Когда N сказалъ, что Мартовъ, Плехановъ *, Дейчъ, Троцкій, Данъ, Аксельродъ, Ортодоксъ, Староверъ, — еврейскіе буржуа, ибо они не продаютъ своей рабочей силы и къ классу пролетаріата не принадлежатъ, то былъ обвиненъ въ антисемитизмѣ. N былъ возмущенъ. Я, сказалъ онъ, не желаю никакого зла еврейскимъ рабочимъ, а какъ разъ наоборотъ, какъ соціалистъ, защищаю ихъ человѣческія права. Да и въ общемъ для меня слово «антисемитизмъ» лишено всякаго смысла. Есть люди, которые не любятъ чукчей, но никто ихъ не причисляетъ къ сословію античукчей. Если носиться съ чукчами, какъ съ писаной торбой, то немудрено, что чукча раздѣлитъ все человѣчество на чукчей и античукчей, и раздѣленіе будетъ освящено общественнымъ мнѣніемъ. Я имѣю полное право не идти за группой буржуа и не исполнять ихъ приказаній, какъ имѣю право противиться этой группѣ, идеи которой не соотвѣтствуютъ моимъ идеямъ. Борьба противъ русской буржуазіи, противъ еврейской буржуазіи, противъ польской буржуазіи и т. д. лежитъ въ интересахъ международнаго пролетаріата.

N былъ глубоко правъ. Еврейская интеллигенція ищетъ выхода изъ тяжелаго положенія, ищетъ пути къ обѣтованной землѣ торгашества образованіемъ. Средняя еврейская буржуазія рвется на волю изъ своей тюрьмы, гигантскими усиліями стремится разбить цѣпь исключительныхъ законовъ, разсѣяться по Россіи, заполнить ее ссудными кассами, лавочками и другими предпріятіями. Какъ наиболѣе стѣсненная самодержавіемъ, еврейская буржуазія сдѣлалась радикальнѣе русской революціонной буржуазіи. И эти вредные элементы вошли въ армію революціонеровъ, придали специфическій запахъ русской революціи. По всѣмъ угламъ русской земли стали раздаваться слова: «антисемитизмъ», «пролетарская точка зрѣнія». Скажите, положа руку на сердце, читатель, не приняли ли бы вы участія въ кошачьемъ концертѣ передъ домомъ человѣка, который бы вдругъ рявкнулъ: «грабь жидовъ». А между тѣмъ эти слова принадлежатъ «Народной Волѣ». Покойный драматургъ Островскій, побывавъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ,

* Г. Плехановъ — русскій буржуа. Вѣроятно N смѣшалъ фамиліи Плеханова и Плехановой, которая активнаго участія въ соціалдемократическихъ дѣлахъ не принимаетъ. *Ред.*

далъ ему почетное названіе «франкъ-жидовское гнѣздо». При чтеніи этихъ ужасныхъ словъ не рѣшило ли бы современное русское общество, что написавшій ихъ писатель есть воплощенная бездарность, есть пресловутый негодяй, есть свинья-свиньей. Къ кому эти слова относились: къ еврейскому банкиру или къ еврейскому пролетарію? Кого рекомендовала грабить «Народная Воля»? Можно ли ограбить человѣка, у котораго все имущество заключается въ мозолистыхъ рукахъ и нечесаныхъ волосахъ? Этотъ запахъ несется отъ всѣхъ слоевъ русскаго передового общества, психологія еврейской буржуазіи пропитала насквозь полугнившіе слои интеллигенціи. Достаточно послушать разговоръ двухъ джентльменовъ, стоящихъ на «пролетарской точкѣ зрѣнія», достаточно понаблюдать ихъ умѣнье вывертываться, лгать, защищать въ одномъ случаѣ одно, и въ другомъ случаѣ совершенно противоположное, чтобы убѣдиться, что на нихъ наложила свою руку еврейская буржуазія. Бросимъ взглядъ на легальную прессу, и тутъ мы видимъ странныя вещи. Крестьянскій печальникъ Некрасовъ дѣлается мишенью всевозможныхъ нападокъ; открыто высказывается, что пришла пора поднять завѣсу и рѣшить, дѣйствительно ли хорошимъ человѣкомъ былъ этотъ писатель. Какая пора? Изъ воспоминаній сотрудниковъ Некрасова мы видимъ, что Н. А. былъ хорошій, добрый человѣкъ, что онъ пользовался любовью со стороны всѣхъ его окружавшихъ. Одной изъ сотрудницъ «Реалиста» пришлось быть въ Карабихѣ. Домъ, въ которомъ жилъ Некрасовъ, остался въ нетронутомъ видѣ, вся обстановка сохраняется братомъ покойнаго писателя въ неприкосновенности. И отъ этой обстановки, отъ этого письменнаго стола на нее пахнуло чѣмъ то милымъ и теплымъ. Съ этимъ впечатлѣніемъ она пошла поговорить съ нѣкоторыми крестьянами, помнившими покойнаго и убѣдилась, что первое впечатлѣніе ее не обмануло: только самыхъ близкихъ родственниковъ любили жители Карабихи такъ, какъ Некрасова. Ниже своего низкаго уровня должна была пасть русская печать, поднимая означенный „вопросъ". Перелистываешь страницы русскаго толстаго журнала, — и думаешь уже не о томъ, что за наборомъ безцвѣтныхъ или цвѣтистыхъ статей коротали свою жизнь типографщики, а о томъ, сколько гадостей скрывается за каскадомъ фразъ и идейныхъ мудрствованій. Возьмемъ одинъ фактъ изъ дѣятельности журнала «Образованіе» и заглянемъ за кулисы статей, производящихъ на довѣрчивыхъ читателей впечатлѣніе чего то симпатичнаго. Во время оно «Новости» назвали парижскую высшую школу еврейскимъ университетомъ. Хотя этотъ эпитетъ ничего общаго съ обиднымъ для еврейской буржуазіи прозвищемъ не имѣетъ и дала его еврейская буржуазная газета, либералы рѣшили обидѣться. Освобожденецъ Аничковъ* дѣлаетъ печатное заявленіе, что въ школѣ учатся слушатели изъ такихъ то и такихъ то губерній, и если даже допустить, что губерніи, гдѣ мало евреевъ, поставляютъ нѣкоторую часть еврейскихъ слушателей, то и тогда евреевъ въ парижской высшей школѣ менѣе половины. Странный способъ доказательства, ссылка на губерніи, конечно, въ простодушныхъ русскихъ читателяхъ никакого подозрѣнія не возбудили, хотя они должны были обратить вниманіе на то, что Аничковъ легко могъ бы построить свои утвержденія на другихъ данныхъ, такъ какъ онъ былъ доцентомъ этой школы. Рѣдкій, живущій заграницей, русскій не знаетъ, что слушатели парижской высшей школы *въ подавляющемъ большинствѣ* — евреи, но голосъ протеста

* Вѣр. дѣло Борманъ и Аничкова. *Ред.*

не раздался ни откуда. Общественное мнѣніе привязало языкъ видѣвшихъ этотъ Kunststück русскихъ къ нёбу, и кромѣ того страшное слово «антисемитизмъ» (какъ извѣстно, въ послѣдніе годы очень часто человѣкъ, назвавшій еврея евреемъ, навлекаетъ на себя обвиненіе въ антисемитизмѣ) заставило отнестись къ заявленію Аничкова, какъ къ пустому, не имѣющему никакого значенія, факту. „Не все ли равно: русскій или еврей?" Никому не пришло въ голову, что, оставляя въ сторонѣ русскихъ и евреевъ, далеко не все равно, обмануть русское общество или сказать правду, что не въ евреѣ и не въ русскомъ дѣло, а во лжи. Исторія поросла было быльемъ, но внезапно вѣтеръ подулъ съ другой стороны. Г. Столыпинъ получаетъ безграмотное письмо отъ одного изъ студентовъ парижской высшей школы и опубликовываетъ его въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» съ прибавленіемъ отъ себя, что онъ свое прежнее мнѣніе о школѣ измѣняетъ и что подобнымъ студентамъ передъ поступленіемъ въ университетъ нужно поучиться у деревенскаго дьячка грамотѣ. «Образованіе» негодуетъ. Студентъ университета, по мнѣнію передового органа, не можетъ быть безграмотнымъ, а слѣдовательно г. Столыпину слѣдуетъ самому поучиться у деревенскаго дьячка. Логика «Образованія» напомнила мнѣ извѣстную поговорку: „на дворѣ дождь идетъ, а слѣдовательно письмоводитель — скотина." Я долженъ оттѣнить здѣсь двѣ черты возраженія «Образованія», которыя были бы недостойны любого изъ органовъ уличной прессы: во первыхъ дикость взглядовъ на университетъ, какъ учрежденіе, долженствующее или требовать отъ своихъ слушателей бумажку на право слушанія лекцій, или другимъ способомъ контролировать ихъ предварительныя знанія; во вторыхъ запамятованіе того, что въ русскую высшую школу принимаются всѣ желающіе, будь это простой рабочій или окончившій курсъ средняго учебнаго заведенія юноша. Мнѣ кажется, что именно въ этомъ и заключается высокая цѣна парижской высшей школы. «Образованіе» *не могло* не знать того, что при общедоступности университета студентами *могутъ быть* и малограмотные люди.

Посмотримъ теперь на еврейскую буржуазію заграницей и оцѣнимъ всю справедливость словъ N. Вы попадаете заграницу, и вамъ представляется счастливая возможность поговорить съ однимъ изъ спасителей человѣчества. Тотъ вамъ съ перваго слова отрекомендовывается, какъ пролетарій. Вы замѣчаете ему: «ну, какой вы пролетарій, если имѣете деньги на ученье». Спаситель отечества оглядываетъ васъ съ головы до ногъ и, если вы тщедушный человѣкъ, говоритъ: «я вамъ буду морда бить», или, если вы обладаете хорошей комплекціей, заявляетъ вамъ, что онъ стоитъ на пролетарской точкѣ зрѣнія. Конечно, сказанное нужно понимать не въ буквальномъ смыслѣ, но всякій подобный разговоръ имѣетъ весь характеръ описанной сцены. Спаситель отечества, само собой понятно, терпѣть не можетъ «Реалиста», ибо реалистъ любезно предложитъ ему, какъ ставшему на пролетарскую точку зрѣнія, бросить учебное заведеніе и насладиться всей прелестью пролетарской жизни: потаскать кули на Волгѣ или, примѣрно, ежедневно, хотя бы нѣсколько часовъ подрядъ, приводить въ движеніе типографскую машину въ «Imprimerie du Réaliste». Очень рѣдкіе спасители отечества отвѣтятъ: «это ужъ покорно благодаримъ: лучше къ папашѣ въ лавочку»; большинство скажетъ: «лучше дипломъ и пролетарская точка зрѣнія», и обзоветъ услужливаго медвѣдя мошенникомъ, индивидуалистомъ, антисемитомъ и буржуемъ.

Озадаченный медвѣдь начинаетъ размышлять, и въ первый моментъ

въ его головѣ роятся благочестивыя мысли. Марксъ! Эка невидаль, Марксъ! Вы, батюшка мой, сидите на университетской скамейкѣ, изучаете индуктивную науку, а благоговѣете передъ какимъ то бездѣльникомъ Марксомъ. Вы учите, положимъ, сухія формулы техническихъ наукъ, получаете возможность сознательно проводить въ жизнь силу человѣческаго мозга и въ то же время теряете свою энергію надъ чтеніемъ метафизической чепухи. Очевидно, это для васъ выгодно. Поищемъ выгоду. Изъ божественныхъ книгъ видно, что 1905 лѣтъ тому назадъ жилъ одинъ властитель думъ. Этотъ человѣкъ со всей силой своего ума обрушился на религію и на богатыхъ людей. Религіи онъ противопоставилъ *дѣло,* богатымъ людямъ — классовое самосознаніе бѣдныхъ людей. Была опредѣлена точная граница между пролетаріатомъ и буржуазіей. Выдающійся пролетарій предвидѣлъ опасность со стороны враговъ и выразилъ это не допускающими никакихъ толкованій словами: «отдай все и иди за мной». Возникшая смута перепугала буржуазное общество и жрецовъ религіи; властитель думъ былъ казненъ. Но движеніе росло, волненіе умовъ расширялось и положило глубокій отпечатокъ на общественную жизнь. Буржуазія струсила не на шутку: варить мысль въ кипящемъ маслѣ оказалось безсмыслицей, и былъ найденъ выходъ изъ критическаго положенія въ лицѣ новой религіи. Буржуазія стала посылать своихъ членовъ въ ряды пролетаріата, но для ограды ихъ отъ простыхъ словъ Христа, замѣнило христіанство религіей, *дѣло* — недоступнымъ массѣ пролетаріата научнымъ соціализмомъ. Выплыла откуда то пролетарская точка зрѣнія, и съ этой точки зрѣнія буржуазія нашла, что пролетаріатъ не способенъ понять ученіе Христа и что только на буржуазныхъ руководителяхъ пролетаріата лежитъ обязанность пояснять ихъ научными изслѣдованіями. Было написано неимовѣрное количество книгъ, и благодаря христіанскому научному соціализму и милліонеръ, и нищій стали христіанами. Идѣже было два-три собрани во имя Христа, тамъ оказывался и руководитель пролетаріата, и собрани оплачивали труды своего вождя окладомъ, въ нѣсколько разъ превышавшимъ среднюю заработную плату бѣдняка. Обезпеченный вождь выступалъ на собраніяхъ и убѣждалъ: «Отдай все ближнему буржую и иди за мной. Немножко выпросимъ, а тамъ, на томъ свѣтѣ, и все полностью заберемъ у этихъ разбойниковъ». Все шло хорошо, исторія текла по маленьку, вожди пролетаріата колесовали, вѣшали враговъ пролетаріата, вытягивали у нихъ жилы и имѣли въ изобиліи, что кушать. Развивались науки, побѣждалъ человѣкъ природу, и вотъ въ концѣ концовъ особымъ стеченіемъ обстоятельствъ среди ученыхъ оказались отдѣльныя выдающіяся единицы, которыя стали доказывать, что христіанскій научный соціализмъ въ сущности — ужасная чепуха. Чепуха опредѣлялась все яснѣе и яснѣе, буржуазія обезпокоилась. Рядъ бездѣльниковъ, изъ которыхъ одинъ наглядно доказалъ, что животное въ передвиженіяхъ своихъ освободилось отъ силы тяготѣнія, выступилъ противъ христіанской религіи. Смута пошла вглубь. Пролетарій обозлился. «Ты, долгогривый жеребецъ, жрешь много, ржешь много, да дѣлаешь полезнаго мало», раздались въ разныхъ мѣстахъ Европы комплименты. Возродился опять соціализмъ, и соціализмъ *дѣла.* Запутавшаяся въ своей христіанской религіи буржуазія почувствовала себя безсильной. Что дѣлать? И вотъ на помощь къ христіанской буржуазіи приходитъ еврейская буржуазія. Выбѣгаетъ на арену человѣкъ, про котораго органъ соціалдемократической метафизики «Заря» говоритъ, что ему принадлежитъ честь великаго дѣла реформы въ соціализмѣ. Вокругъ еврейскаго буржуа Маркса сбирается (какъ читатель найдетъ въ любомъ учебникѣ, напр. Сеньобоса), ядро изъ еврейскихъ буржуа, это ядро собираетъ вокругъ себя тысячи еврейскихъ буржуа во всѣхъ странахъ. Марксъ присваиваетъ себѣ труды выдающихся соціалистовъ и прибавляетъ къ нимъ собственное изобрѣтеніе, которое лучше всего выражается въ томъ мѣстѣ брошюры «Еврейскій вопросъ», къ которому я сдѣлалъ примѣчаніе. Реформа свершилась, и для того, чтобы стать во главѣ пролетаріата, буржую совсѣмъ не требовалось отдать все и сдѣлаться пролетаріемъ, а лишь сознать вредъ буржуазіи.

— Шире дорогу г. г. индивидуалисты, буржуй къ пролетаріямъ идетъ! Представленіе начинается! Пожал-те, господинъ почтенный, съ безплатнымъ входнымъ билетомъ пятиалтынный изъ пролетарской кассы получите! Куда прешь, деревня, сиволапый чорртъ?

Изобрѣтеніе имѣло одного врага — здравый смыслъ. Потребовался методъ мышленія, который стоялъ бы выше здраваго смысла. И Марксъ нашелъ его въ ученіи родоначальника софистовъ Зенона. Необходимо было только противопоставить наплыву данныхъ науки какое либо препятствіе, и Марксъ удачно справился съ этой задачей, соединивъ вывороченную на изнанку діалектику Гегеля съ матеріализмомъ. Поединокъ Капитала марксистской прессы съ капиталомъ газетишекъ пролетарскихъ противниковъ марксизма окончательно все перепуталъ. Марксистская каша оказалась недоступной пониманію не только пролетаріата, но и руководителей пролетаріата, которые наперерывъ стали упрекать сами себя и другъ друга въ крайней ограниченности.

И медвѣдь понимаетъ, почему еврейской буржуазіи, распявшей соціализмъ на Западѣ, спасшей неврейскую буржуазію, выгодно промѣнять индуктивныя науки на метафизику. Но всмотримся теперь, кто дѣлаетъ невѣроятныя усилія, чтобы спасти россійскую интеллигенцію отъ самодержавія и отъ пролетаріата, чтобы направить зарапортовавшуюся русскую буржуазію на вѣрный и безопасный путь. Не вы ли, распявшіе еврейскаго пролетарія — Іисуса Христа, распинающіе еврейскій пролетаріатъ въ Западномъ Краѣ Россіи? Вы обдѣлываете свои дипломныя дѣлишки, а пролетаріатъ, изъ котораго вы сосете кровь для оплаты вашего ученья и заграничной жизни, корчится отъ страданій. Ваши матери поджидаютъ сына докторомъ или инженеромъ, а матери „вашего" пролетаріата душатъ себя за горло, бьются съ размаха головой о мостовую, кричатъ: «убейте мужей и дѣтей нашихъ». * Ваши сестры вступаютъ въ законный бракъ съ адвокатами, лавочниками и докторами, а „ваши" пролетарскія дѣвушки, полуживыя отъ голода, бѣгаютъ по улицамъ городовъ Западнаго Края. Ваши сестры ведутъ «цѣломудренную» и «честную» жизнь, а о тѣхъ любой, закусившій удила, купчина говоритъ: «за гривну жидовку ножикомъ распорю».

Вотъ и разгадка, почему заграничное студенчество терпѣть не можетъ «Реалиста», почему намъ было уже прислано нѣсколько ироническихъ писемъ, въ одномъ изъ которыхъ нашъ журналъ сравнивался съ моськой, а соціалдемократія со слономъ. Читатели уже замѣтили, что наша критика сосредоточивается вообще на буржуазіи и въ частности на русскомъ правительствѣ и соціалдемократіи. Причина того, что о соціалистахъ-революціонерахъ и анархистахъ въ «Реалистѣ» почти не говорится, слѣдующая: соціалисты-революціонеры от-

* Какъ это было на фабрикѣ Шерешевскаго.

крыто защищаютъ интеллигенцію и своихъ мнѣній не утаиваютъ. Ихъ заслугу въ крестьянскомъ вопросѣ мы указали, но точно такъ же отмѣтили ошибку при появленіи соціально-революціонной программы въ «Революціонной Россіи». Кромѣ того мы видимъ, что соціалисты-революціонеры въ руководители пролетаріата себя не навязываютъ, а составляютъ группу лицъ, которая своимъ собственнымъ мозгомъ защищаетъ свои идеи. Поэтому, борясь противъ тѣхъ слоевъ населенія, которые защищаютъ соціалисты-революціонеры, мы тѣмъ самымъ боремся и съ тѣми идеями «Революціонной Россіи», съ которыми мы не согласны. Такъ же точно и анархисты своихъ мыслей не скрываютъ: «Хлѣбъ и Воля» никогда не мыслила діалектически. Поэтому всякій мыслящій человѣкъ можетъ ознакомиться самъ съ соціально-революціоннымъ и анархическимъ ученіями, и въ то время, когда царизмъ душитъ Россію, «Реалистъ» не находитъ возможнымъ удѣлять часть своихъ страницъ на идейную борьбу съ этими направленіями. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ соціалдемократіей. Здѣсь на каждомъ шагу ложь и обманъ. Напр., очень немногіе въ Россіи знаютъ, что въ Германіи среди вождей пролетаріата въ парламентѣ нѣтъ ни одного рабочаго, а исключительно фабриканты, купчики, лица интеллигентныхъ профессій и трактирщики. Когда мы читаемъ въ соціалдемократическихъ газетахъ о прекрасномъ «развитіи классоваго самосознанія» нѣмецкаго пролетаріата, то уличаемъ ихъ въ обманѣ и даемъ въ подтвержденіе нашихъ словъ факты. Вотъ другой примѣръ. Недавно на женевскомъ рефератѣ одинъ изъ вождей соціалдемократіи обсуждалъ то, о чемъ Россіи и во снѣ не снилось. Этотъ гусь говорилъ въ своемъ обществѣ и говорилъ о намѣреніяхъ россійской соціальдемократіи. При революціи въ Россіи и образованіи временнаго правительства вожди соціалдемократіи учредятъ охранную полицію для надзора и насилій надъ всѣми русскими революціонерами, требующими большаго, чѣмъ соціалдемократія, и надъ сознательными или безсознательными провокаторами-анархистами. Если рабочіе обнаружатъ болѣе революціонное настроеніе, то вожди соціалдемократіи зайдутъ впередъ и толкнутъ рабочую массу назадъ. Во время революціи войдутъ въ соглашеніе съ либералами комитетчики, ибо не попрутъ же къ либераламъ двадцать человѣкъ депутаціи простыхъ рабочихъ. Россійская соціалдемократія хочетъ продолженія войны и не желаетъ мира. Вожди соціалдемократіи будутъ всѣми способами защищать имущество буржуазіи и даже склады съѣстныхъ припасовъ. Лишь въ особо крайнихъ случаяхъ они разрѣшатъ рабочимъ поѣсть за счетъ буржуазіи. Если у власти окажется большинство изъ соціалдемократовъ и масса потребуетъ экспропріаціи, говоритъ, что это невыполнимо. Если учредительное собраніе будетъ собрано не временнымъ правительствомъ, а выбрано темнымъ народомъ, то ничего не будетъ. Этого, я думаю, достаточно для всякаго, не окончательно свихнувшагося съ ума, человѣка, чтобы онъ могъ дать надлежащую оцѣнку намѣреніямъ соціалдемократіи. Охранять съѣстные припасы отъ народа до сихъ поръ лежало на обязанности тѣхъ мерзавцевъ, благодаря которымъ по нашей бѣдной родинѣ гуляютъ три безпощадныхъ царя: Николай II, Голодъ и Смерть. Зайти впередъ и толкнуть рабочихъ назадъ есть мошенничество, до котораго не додумался геніальный мошенникъ Зубатовъ. Примѣненіе того всеобщаго избирательнаго права, которымъ соціалдемократія *на бумагѣ* прикрываетъ свои преступные замыслы по отношенію къ русскому крестьянству, оказывается мифомъ и вредной мечтой не для тѣхъ, конечно, кто по всему своему духовному складу предназначенъ

быть вѣрующимъ и дисциплинированнымъ соціалдемократическимъ солдатомъ, а для тѣхъ, кто по ошибкѣ называетъ себя въ Россіи соціалдемократомъ, не понимая всего смысла поговорки «сила солому ломитъ» и не сознавая того, что въ тотъ моментъ, когда онъ скажетъ: «я былъ обманутъ», его не только вытолкнутъ изъ партіи, не только объявятъ сознательнымъ или безсознательнымъ провокаторомъ, но и предадутъ въ руки соціалдемократическаго охраннаго отдѣленія прежде, чѣмъ на крестьянскихъ вилахъ и штыкахъ народнаго ополченія запищатъ наивные новоявленные іезуиты, стремящіеся обратить во славу биржи и Маркса русскій народъ въ нищихъ пролетаріевъ.

Очень остроумное письмо, въ которомъ говорилось о моськѣ и слонѣ, заставило меня отъ души смѣяться. Маленькій «Реалистъ», лающій на большую соціалдемократію, дѣйствительно, замѣчательно похожъ на моську. Совсѣмъ другое заговорило во мнѣ послѣ вышеупомянутаго реферата. Въ демократической республикѣ Швейцаріи принято выгонять всякаго рода шпіоновъ вонъ съ швейцарской территоріи, и въ этой странѣ русскія организаціи охранены отъ Треповыхъ и соціалдемократіи. Но вѣдь настаетъ время, когда придется считаться въ Россіи съ возможностью, отворяя дверь, разбить лобъ соціалдемократическому шпіону или уложить его выстрѣломъ изъ Смита и Вессона. Насколько это возможно, нетрудно опредѣлить. У соціалдемократіи много комитетовъ, разсѣянныхъ по разнымъ городамъ и состоящихъ въ большинствѣ изъ вислоухихъ джентльменовъ, способныхъ усвоить кое-какія марксистскія догмы, вооруженныхъ гектографомъ или мимеографомъ и выпускающихъ прокламаціи съ «долой» и «да здравствуетъ» въ концѣ. Конечно, если при помощи или безъ помощи либераловъ соціалдемократамъ удалось бы захватить въ центральномъ городѣ Россіи хвостикъ власти и обходиться съ остальными революціонерами такъ, какъ было выше сказано, то крайніе изъ революціонеровъ — анархисты первые объявили бы терроръ, и по властителямъ, начиная Мартовымъ и кончая мало мальски замѣтнымъ комитетчикомъ „большинства", пришлось бы пѣть вѣчную память. Слѣдовательно, референтъ былъ болѣе, чѣмъ глупъ, разсчитывая на заговорщическое учредительное собраніе. Но самая возможность временнаго захвата власти соціалдемократіей всетаки остается *возможностью*, и за время существованія «временнаго правительства» революціонерамъ, а въ томъ числѣ и нашимъ друзьямъ, пришлось бы пережить очень не сладкія минуты. Напр., въ составѣ нашей группы входятъ два, пользующихся въ Женевѣ авторитетомъ, товарища. Представьте себѣ, что одному изъ этихъ реалистовъ сенъ-бернарской породы вздумалось бы въ Россіи поохотиться за поделушившимъ у двери соціалдемократическимъ слономъ. Не пахнетъ ли это и для другихъ товарищей соціалдемократической гильотиной? И далеко ли отъ шпіонства за русскими революціонерами до избіенія ихъ при благосклонномъ участіи пузатыхъ торгашей и разжирѣвшихъ банкировъ?

Вглядимся теперь въ физіономію соціалдемократіи и въ физіономію буржуазіи, и мы найдемъ сходство двухъ близнецовъ. «Партія войны» затѣяла полезное, по мнѣнію соціалдемократической партіи, дѣло; объ стороны не желаютъ заключенія мира и хотятъ разрывать въ клочья тѣла еще многихъ и многихъ тысячъ пролетаріевъ. И вотъ въ Россіи двѣ партіи, которыя хотятъ продолженія войны: «партія войны» и партія соціалдемократовъ. Поэтому не имѣемъ ли мы право назвать Владиміра, Алексѣева и др., вампировъ безсознательными соціалдемократами? Хлѣбный торговецъ во время революціи намѣренъ защищать

отъ голоднаго народа свои склады, помѣщикъ намѣренъ защищать свои права на крестьянскую землю, но не то же ли самое намѣрена защищать соціалдемократія? Не имѣемъ ли мы право всякаго кулака называть безсознательнымъ соціалдемократомъ? Несмѣтная орда шпиковъ шныряетъ по Россіи и опекаетъ «августѣйшее змѣиное отродье». Но во время революціи и при захватѣ власти соціалдемократіей эта орда съ удовольствіемъ перемѣнила бы царскую службу на соціалдемократическую и принялась бы гоняться за русскими революціонерами ничуть не меньше, чѣмъ это она дѣлаетъ по отношенію къ либераламъ, соціалдемократамъ и даже просто прогнѣвившимъ чѣмъ либо министра внутреннихъ дѣлъ или шефа жандармовъ лицамъ. И не имѣемъ ли мы право назвать всякаго, забравшагося въ квартиру „требующаго болѣе, чѣмъ соціалдемократія" революціонера и кооптировавшаго у него частную корреспонденцію, шпіона безсознательнымъ соціалдемократомъ? Всѣмъ извѣстно, какъ обращаются въ модныхъ ресторанахъ раскутившіеся саврасы къ людямъ, прислуживающимъ имъ. Чэ-экъ! Но вѣдь это говорится лакею, который обыкновенно богаче средняго калибра помощника присяжнаго повѣреннаго. Вождь же соціалдемократіи употребляетъ слово „попрутъ" по отношенію къ русскому рабочему, который пока еще обязанностей соціалдемократическаго лакея не исполнялъ. Большую ли разницу мы въ данномъ случаѣ видимъ между саврасомъ и соціалдемократомъ? Мнѣ, конечно, могутъ замѣтить, что это не относится къ политическимъ намѣреніямъ соціалдемократіи. Это правда, но подобные факты обрисовываютъ, къ какой породѣ принадлежатъ вожди соціалдемократіи, кто находится у нихъ въ подчиненіи заграницей. Изъ всей умиленной толпы не нашлось человѣка, который бы сказалъ: «Ты, баринъ, полегче! Харя у тебя пряничная, самъ ты вродѣ, какъ конфетка, а говоришь неладно.» Здѣсь не было людей, которые употребляютъ слово „баринъ", слово „ты". На рабочемъ собраніи въ Россіи соціалдемократъ прежде, чѣмъ вымолвить „попрутъ", изъ предосторожности слюнками захлебнется. Выше было уже сказано, и не для того, чтобы употребить рѣзкое выраженіе, а для того, чтобы назвать поступокъ его собственнымъ именемъ, что зайти впередъ обнаружившей большее, чѣмъ требуется для соціалдемократіи, революціонное настроеніе массы и вставить ее въ рамки есть чистѣйшей воды мошенничество. И послѣ этого всякій политическій мошенникъ по своей тактикѣ не есть ли безсознательный соціалдемократъ?

Въ № 10 «Листка Реалиста» была помѣщена статья, въ которой уже сообщалось объ утаиваньи истиннаго положенія дѣлъ внутри соціалдемократической партіи. Благодаря матеріальной поддержкѣ буржуазіи, эта, состоящая изъ „рабочихъ", партія получила возможность отравлять русскую страну своей литературой въ цѣляхъ безсознательнаго натравливанья рабочихъ на крестьянство. При распространенности соціалдемократическихъ газетъ русскимъ читателямъ нелегальныхъ изданій могло бы показаться, что россійская соціалдемократія есть дѣйствительно рабочая партія, они могли бы повѣрить сообщеніямъ «Искры» и «Впередъ», что россійская соціалдемократическая «рабочая» партія опирается на рабочія массы. Раскрывать этотъ обманъ лежитъ на обязанности всякаго честнаго человѣка, всякой честной партіи, такъ какъ иначе рабочіе могли бы становиться подъ побывавшее въ женевскомъ участкѣ знамя соціалдемократіи ради объединенія съ мифическими товарищами. Въ этой тактикѣ соціалдемократія достигла верха совершенства и развязности. «Товарищъ» Троцкій не постѣснялся представителей русскихъ революціонныхъ организацій, сдѣлавъ на интернаціональномъ митингѣ указанное въ № 10 «Листка Реалиста» сообщеніе. Въ настоящее время мошенничество соціалдемократіи обличено не только «Реалистомъ», но и «Революціонной Россіей». Въ № 60 послѣдней мы встрѣчаемъ въ числѣ выводовъ изъ приведенныхъ фактовъ: «утвержденіе „Искры", „Впередъ", что соціалдемократическая *партія* опирается на *массы* — миѳъ» (кур. *Рев. Рос.*) съ прибавленіемъ, что обязанность революціонеровъ — не обманывать рабочую массу. Одинъ тотъ фактъ, что представитель соціалдемократіи на громадномъ собраніи петербургскаго *пролетаріата*, какъ самый послѣдній шпіонъ, былъ «основательно» избитъ, говоритъ за правдивость обличенія «Революціонной Россіи», которая въ то же время открыто заявляетъ: «ясно, что рабочая масса по нутру своему, по кровнымъ нуждамъ своимъ пролетарская, имѣетъ въ своихъ рядахъ очень мало сознательныхъ соціалдемократовъ, *соціалистовъ-революціонеровъ* и т. п.» (кур. мой), которая въ то же самое время *до странности мягка*, забывая о своей отвѣтственности передъ крестьянствомъ и рабочей массой, относится къ людямъ, которые пользуются невѣжествомъ массъ, чтобы «одурачить и надуть» ихъ. Гдѣ же это вліяніе соціалдемократіи, если въ центральномъ городѣ Россіи на мѣстѣ выступленія передъ русскимъ пролетаріатомъ представителя россійской соціалдемократической «рабочей» партіи осталось только мокро?

Мало мальски наблюдательный человѣкъ долженъ былъ замѣтить въ теченіи человѣческой мысли законъ, по которому всякое новое направленіе встрѣчается со всѣхъ сторонъ непониманіемъ или нежеланіемъ понимать. Чтобы недалеко ходить, я напомню читателю о тѣхъ нападкахъ, которымъ подвергался Писаревъ. Онъ оказался и невѣждой, и глупцомъ, ему со всѣхъ сторонъ бросали обвиненія въ легкомысліи. Чѣмъ это объясняется, какъ не тѣмъ, что люди другого направленія не считали нужнымъ, не развили въ себѣ способность цѣликомъ входить въ мысли противника, относиться къ нимъ серьезно и вдумчиво. Или въ словахъ всякаго существа, носящаго имя „человѣкъ" не таится мысль, если только этотъ человѣкъ самостоятеленъ и не говоритъ для процесса говоренія? Со дня появленія нашего журнала мы увидѣли по отношенію къ себѣ то же самое. Достаточно напомнить рецензію Струве: «отличительныя черты „Реалиста" крайняя политическая наивность, невѣжество и малограмотность», чтобы подчеркнуть явное пристрастіе. Если вернуться къ тому возраженію, которое сдѣлало болѣе передовой, чѣмъ „Освобожденіе", органъ „Образованіе" Столыпину, и прибавить, что всѣ сотрудники нашего журнала люди съ высшимъ и предварительнымъ среднимъ образованіемъ, то для адептовъ „Образованія" (и при всей малограмотности „Реалиста") г. Струве представлялъ бы въ великолѣпномъ видѣ кандидата на должность при особѣ деревенскаго дьячка. Но та мѣрка, которая существуетъ для „Образованія", не существуетъ для насъ, и мы, охотно допуская, что люди съ высшимъ образованіемъ могутъ быть малограмотны, попросили бы „интересующихся" крестьянскимъ революціоннымъ движеніемъ, либеральныхъ землевладѣльцевъ, „интересующихся" рабочимъ революціоннымъ движеніемъ либеральныхъ фабрикантовъ не вѣрить на слово г. Струве и почитать „Реалиста". Мы увѣрены, что они уличили бы г. Струве въ недостаточномъ безпристрастіи, въ недостаточномъ пониманіи внѣшности «методологической противоположности между „объективизмомъ" и „субъективизмомъ"», въ недостаточно объективномъ изслѣдованіи «явленій внутренней экономи-

ческой» кооптаціи, тьфу, «мотиваціи и ея объективныхъ результатовъ» или «формальныхъ условій конкретныхъ феноменовъ внутренней экономической лимитаціи», и нашли бы, что сотрудники онаго журнала „Реалистъ" по меньшей мѣрѣ дикари. Понятно ли теперь нашимъ, работающимъ въ тиши, искусителямъ, что такое *нашъ* реализмъ и что такое *ихъ* реализмъ. Припомнимъ фразу Писарева, съ которой мы совершенно согласны: «послѣдовательный реализмъ отрицаетъ все то, что не приноситъ непосредственной пользы». Мы называемъ редактора рыженькаго „Освобожденія" не вполнѣ послѣдовательнымъ реалистомъ (имѣя въ виду „реалистическое направленіе" въ метафизикѣ), такъ какъ онъ отрицаетъ все то, что не приноситъ непосредственной выгоды либеральнымъ землевладѣльцамъ, фабрикантамъ и торгашамъ наукой, и все таки черезчуръ снисходительно относится къ противникамъ своихъ довѣрителей. Въ тотъ день, когда г. Струве назоветъ насъ австралійскими дикарями или африканскими обезьянами, мы назовемъ его послѣдовательнымъ реалистомъ.

Нѣкоторые читатели никакъ не могутъ понять того, что предложеніе «самоотчужденія буржуа отъ себя самого и своей природы» имѣетъ прямымъ послѣдствіемъ превращеніе альтруиста-буржуя въ эгоиста-пролетарія и имѣетъ цѣлью показать *пролетаріату*, что раздѣленіе человѣчества на два враждебныхъ лагеря опредѣляется не точкой зрѣнія, что реальный пролетаріатъ долженъ прежде всего выгнать въ шею изъ своихъ рядовъ реальную буржуазію, хотя бы и великое множество большихъ и маленькихъ марксовъ напѣвало ему пѣсенку Маркса. Вертясь въ кругу своей психологіи, буржуй понимаетъ наши слова по *своему*, лишь по отношенію къ *себѣ*: ему кажется, что всѣ заботы должны вертѣться около *него*, что писатели должны придумывать какіе нибудь „идейные" пути для *него*, что они и ищутъ то для *него*. Такъ поняла ученіе Христа буржуазія, въ этомъ смыслѣ она исказила его, этимъ же способомъ она борется съ силою прогресса. Вышло такъ, что и нагорная проповѣдь то говорила бѣднякамъ о милосердіи къ богачамъ, что «возлюби ближняго, какъ самого себя» означаетъ ничто иное, какъ «возлюби и богача, какъ самого себя», что христіанская революція была обращена во «второе пришествіе» ничуть не хуже, чѣмъ это случилось съ соціальной революціей въ нѣмецкихъ странахъ.

Представьте себѣ, что Іисусъ Христосъ приходитъ съ своими учениками на съѣздъ россійскихъ соціальдемократовъ.

— Что такое объединеніе труждающихся и обремененныхъ въ одну дружную пролетарскую семью? Если ближній ударитъ тебя по щекѣ, подставь ему другую.

Но вотъ пролетарскій эгоистъ замѣчаетъ что то неладное: ближніе очень мало походятъ на „ближнихъ".

— Поди сюда. Ты кто такой?

— Потомственный дворянинъ тамбовской губерніи. У причастія...

Опечатка. Въ числѣ поименованныхъ г-номъ N лицъ по недосмотру товарища, набиравшаго вторую страницу, пропущена фамилія: Мартыновъ.

Примѣчаніе къ стр. 3. Своей неосторожной критикой Некрасова, какъ человѣка, Михайловскій далъ оружіе въ руки очень скверныхъ людей, открывшихъ въ русской прессѣ кампанію въ цѣляхъ очерненія защитника обездоленныхъ крестьянъ.

— Я не про то. Почему котелокъ?

— По семи франковъ въ женевскихъ магазинахъ. Ортодоксальный марксистъ-съ.

— Чѣмъ занимаешься? Рабочій? крестьянинъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Стою на пролетарской точкѣ зрѣнія.

Нужно полагать, и на это у насъ есть *неоспоримыя* доказательства, что Іисусъ Христосъ, при мускульной помощи своихъ учениковъ и рискуя собственными ушами, выгналъ бы торгующихъ вонъ изъ храма съ просьбой передать христіанскій поклонъ верблюдообразнымъ „ближнимъ", для которыхъ Маркъ выковалъ иглу съ громаднымъ ушкомъ и которые въ одно прекрасное время по христіанскому „милосердію" будутъ отправлены съ нашей земной планеты къ дьяволу и ангеламъ его.

И если бы черезъ нѣсколько дней послѣ этого революціоннаго столкновенія въ журналѣ «Реалистъ» было выражено сочувствіе пролетарскому эгоисту, то идейные сотрудники второго пришествія были бы совершенно напрасно обруганы. Мы никогда не станемъ на скользкую почву распутыванья тѣхъ путъ, которыми связано ученіе Христа, и на всякій ехидный вопросъ отвѣтимъ: «Разуй глаза, прочти евангеліе. Да не такъ, какъ читалъ чичиковскій Петрушка». У насъ же есть своя школа, своя теорія, а понимать евангеліе такъ или иначе можетъ всякій, читавшій эту книгу, человѣкъ. Мы рѣшительно ничего не будемъ имѣть противъ того, что въ рядахъ пролетаріата не будетъ добровольныхъ пришлецовъ изъ буржуазіи. То, что нашимъ противникамъ непріятно, можетъ доставить намъ только неизреченное удовольствіе.

Итакъ, реализмъ въ отношеніяхъ между пролетаріатомъ и буржуазіей является превосходной дезинфекціей, и всякому буржую, который замалчиваетъ насъ въ своей печати, усердно пишетъ письма въ редакцію нестрашнаго «Реалиста» или отправляетъ прошенія и жалобы на насъ въ редакціи страшныхъ «Искры» и «Послѣднихъ Извѣстій», очень пріятно посквернословить на счетъ нашей непослѣдовательности. Примѣрно: почему это «Реалистъ» такъ заботится о «поповскихъ карманахъ»? И дѣйствительно, въ программѣ ближайшихъ требованій «Реалиста» есть пунктъ: «жалованье состоящимъ при общинныхъ храмахъ священникамъ.» Пойманный съ поличнымъ соціалдемократъ имѣетъ обыкновеніе обижаться (напр., при нападкахъ русскаго «попа» на «денежнаго» человѣка Бебеля) или начинаетъ проповѣдь «предпосылками». Послѣдую и я заразительному примѣру, чтобы упрекнувшій насъ читатель могъ убѣдиться воочію, что при непослѣдовательности взглядовъ на духовенство и на мошну духовенства всякому человѣку ничего болѣе не остается, какъ «вертѣть хвостомъ».

Противорѣчія несомнѣнно существуютъ и распадаются на двѣ группы. Во-первыхъ: недостаточность знаній. Какъ молодые люди, и люди, которые пріобрѣтаютъ знанія, мы дѣлали и дѣлаемъ ошибки, но эти ошибки къ нашему направленію не относятся. Мы работаемъ, и черезъ 10 лѣтъ наши знанія, конечно, будутъ больше, черезъ 20 лѣтъ еще больше, мы надѣемся, что и въ старости останемся энергичными, молодыми душой, людьми и мохомъ не обростемъ. Но развѣ мы не видимъ кругомъ старцевъ, у которыхъ гораздо болѣе, чѣмъ у насъ, знаній, но которые ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга. Знанія важны, но еще важнѣе, куда употребить эти знанія. Напр., въ одномъ изъ первыхъ номеровъ журнала я говорилъ о Марксѣ, какъ о геніѣ. При дальнѣйшемъ ознакомленіи съ исторіей революціоннаго движенія я

узналъ, что у Маркса нѣтъ ни одного открытія и что онъ просто на просто присвоилъ не принадлежащее ему духовное имущество. Не въ обиду будь сказано, милостью анархиста Черкезова и итальянская партія узнала объ этомъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а милостью Плеханова и компаніи и русскіе соціалдемократы объ этомъ ничего не знаютъ. Здравый смыслъ и участіе членовъ Интернаціонала въ Парижской Коммунѣ говорили мнѣ, что ученіе Маркса должно было оказать вліяніе на коммунаровъ. Оказалось, что на коммунаровъ оказали вліяніе тѣ теоріи, изъ которыхъ Марксъ выбиралъ камешки для своего огорода. Мнѣніе о Марксѣ я перемѣнилъ, а камешки остались камешками, и для французскаго революціоннаго движенія совершенно безразлично, отъ одного Маркса или отъ пяти Жоржей и Джемсовъ эти камешки летѣли. Моя критика марксизма отъ этого ничего не потеряла, моихъ мнѣній это перемѣнить не могло, а новыя знанія лишь дали мнѣ возможность новаго примѣненія ихъ. Во вторыхъ: разногласія во мнѣніяхъ между членами группы. Напр., неунывающая россіянка надѣется, что интеллигенція дастъ пролетаріату не мало борцовъ за свободу; я держусь другого мнѣнія. Изъ нашихъ статей это разногласіе видно для всякаго и не наблюдательнаго человѣка. Но мѣняетъ ли эта разница въ мнѣніяхъ исходный пунктъ нашего мышленія, наши основныя убѣжденія по отношенію къ цѣлямъ? Конечно, нѣтъ. Если бы въ рядахъ пролетаріата очутились самовольные ослушники интеллигенціи, я этому только порадовался бы, если бы нѣтъ, то, я думаю, и неунывающая россіянка плакать бы не стала. Другой сотрудникъ находитъ, что еврейская буржуазія нисколько не опаснѣе русской, что русскій буржуа, сохраняя свою честь, сметаетъ свинцомъ толпы бѣдняковъ тамъ, гдѣ еврейская буржуазія дѣйствуетъ пронырливостью, я, наоборотъ, отдаю предпочтеніе большой изворотливости. Это отражается на статьяхъ, но критика частей буржуазіи наше отношеніе къ еврейскому пролетаріату не измѣняетъ: если бы не стало ни еврейской, ни нееврейской буржуазіи, насъ это нисколько не опечалило бы, какъ не заставило бы рекомендовать или одобрять побоище еврейскихъ пролетаріевъ.

Такъ же точно называть насъ писаревцами или находить, что мы во многомъ расходимся съ Писаревымъ, мѣрять насъ этой мѣркой можетъ только несамостоятельно мыслящій человѣкъ. Понаблюдаемъ полемику или споръ двухъ вождей соціалдемократіи. Одинъ изъ нихъ возглашаетъ ортодоксальнымъ басомъ: „премудрость!" и находитъ въ своихъ священныхъ книгахъ мѣсто, въ которомъ говорится, какъ тещи Маркса сбѣжала съ нѣмецкимъ солдатомъ и сказала кумѣ своего солдата, что зять сказалъ тогда то и то-то. Этого вполнѣ достаточно, чтобы побѣжденный марксъ оказался буржуемъ и ограниченнымъ человѣкомъ, неспособнымъ понять премудрости марксизма, неспособнымъ понять и того, что теща Маркса сбѣжала съ нѣмецкимъ солдатомъ и сказала кумѣ своего солдата, что зять сказалъ тогда то и то-то. Писаревъ жилъ сорокъ лѣтъ тому назадъ; это время было и быльемъ поросло. Послѣ его смерти изъ словъ: что за наука, если она существуетъ лишь для класса избранныхъ, что за искусство, если оно существуетъ для немногаго числа лицъ, способнаго наслаждаться имъ, образованное общество, недовольное „сопѣлкой", извлекло только заключеніе, что отличительной чертой Писарева является отрицаніе искусства. Россійская интеллигенція показала всю длину своихъ длинныхъ ушей и, причисливъ Писарева къ лику святыхъ своего милаго сословія, отнеслась къ первому предостереженію съ точки зрѣнія интеллигенціи

вообще и съ точки зрѣнія искусства въ частности. Нашлись глубокомысленные люди, которые принялись усердно жевать жвачку изъ страницъ Писарева, есть и теперь на Святой Руси тамъ и сямъ писаревцы, но мы думаемъ, что всѣ эти бумагоядныя относятся къ разряду дураковъ, которыхъ когда то безвозмездно отдавалъ Писаревъ своимъ противникамъ. Если бы ранняя смерть не отняла великаго реалиста у русскаго народа и если бы онъ здравствовалъ и по сію пору, то нужно думать, что онъ присоединился бы къ нашему протесту противъ зачисленія его въ полкъ этихъ дураковъ.

Такимъ образомъ противорѣчія въ статьяхъ «Реалиста» и противорѣчія между статьями въ «Реалистѣ» и статьями Писарева неоспоримо существуютъ, но они существуютъ только для нашихъ противниковъ. Для насъ же этихъ противорѣчій нѣтъ, а есть независимость въ мышленіи, общія основанія и цѣли, общая школа. Если бы мы были во всемъ согласны съ Писаревымъ или между собою, то мы были бы не реалисты, а развѣ поклонники марксовой тещи.

Перейдемъ теперь къ противорѣчіямъ въ программѣ, и здѣсь дѣло принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ. На нашу программу мы смотримъ, какъ на снимокъ съ народныхъ желаній; нашу программу мы составили не изъ кусочковъ западноевропейскихъ программъ, а на основаніи знанія и изученія русской жизни. Намъ нѣсколько разъ уже приходилось высказывать, что ни въ одной странѣ нѣтъ такой пропасти между интеллигенціей и народомъ, какъ въ Россіи. Меня, напримѣръ, когда я пріѣхалъ въ Германію, очень удивило то обстоятельство, что въ этой странѣ люди науки внѣ своей сферы говорятъ простонароднымъ языкомъ, что отношенія между интеллигентомъ и пролетаріемъ не имѣетъ характера отношеній парія и аристократа. Въ Россіи же всякому иностранцу нетрудно замѣтить затаенную злобу къ интеллигенціи, которая хранится въ народѣ. Это явленіе, конечно, вызвано цѣлымъ рядомъ причинъ, о которыхъ намъ часто приходилось и приходится говорить. Изслѣдовавъ причины и принявъ во вниманіе, что натянутыя отношенія между врагами должны вылиться въ революціонномъ конфликтѣ, мы выставили въ программѣ демократизацію науки и искусства. Рѣшится ли кто либо отрицать, что борьба съ интеллигенціей есть борьба съ монополистами знаній и имѣетъ послѣдствіемъ уменьшеніе или уничтоженіе монополіи.

Остальное содержаніе программы распадается на двѣ части: въ первой выставлены требованія соціализаціи земли, во второй рабочія реформы. Противорѣчіе ясно для всякаго. Указанія на это мы оставили безъ отвѣта въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій, которыя одни могли доказать цѣлесообразность программы. Революціонное движеніе шагъ за шагомъ подтверждало вѣрность нашихъ взглядовъ на развитіе общественной жизни въ Россіи, и внимательный читатель долженъ былъ убѣдиться, что журналъ, такъ сказать, сообщалъ своимъ читателямъ заранѣе о происходившихъ послѣ событіяхъ. Загудѣлъ колоколъ революціи, и революціонная вспышка дала доказательства вѣрности нашихъ аграрной и рабочей программъ. Крестьянство придаетъ власть исполнительную своимъ завѣтнымъ желаніямъ, рабочій выставляетъ требованіе реформъ. Противорѣчіе, которое было видно въ программѣ ближайшихъ требованій «Реалиста», одухотворилось въ противорѣчіи требованій крестьянскаго и рабочаго классовъ, и затѣмъ приведетъ ли это противорѣчіе къ широкой кооперативной борьбѣ крестьянства съ капитализмомъ или къ конфликту между малочисленнымъ рабочимъ классомъ и многочисленнымъ крестьянствомъ („диктатура пролетаріа-

та"), или, благодаря вліянію крестьянъ на рабочихъ, къ соціальной революціи, покажетъ ходъ событій, который лежитъ внѣ программы ближайшихъ требованій.

Повертѣвъ хвостомъ къ большой радости виновника этого невиннаго упражненія, постараемся добраться до пупа искомой напраслины. Древнерусское повѣрье говоритъ, что крестъ есть хорошее средство отъ всякой нечисти. Посмотримъ, нѣтъ ли тутъ доли правды. Послѣ краснаго воскресенья обезкураженные руководители „пролетаріата" со всей яростью обрушились на крестъ, который былъ въ рукахъ священника Гапона. На заграничныхъ рефератахъ одинъ за другимъ выходили благодѣтели, которые прежде всего заводили рѣчь о крестѣ. Нельзя не признать и тутъ долю правды. Лично я ничего не имѣю противъ креста, иконы и священника, такъ какъ не намѣреваюсь, по формулѣ: *признать цѣли и измѣнить методы*, замѣнять истрепавшійся христіанскій талмудъ соціалдемократическимъ талмудомъ или либеральными и иными „безсознательными" вожделѣніями буржуазіи на счетъ шкуры бѣдняка, но очень многое имѣю противъ суевѣрія, связаннаго съ крестомъ и иконой, противъ гнета, связаннаго съ должностью современнаго священника. У меня можетъ висѣть на стѣнѣ фотографическая карточка умершаго отца: съ этой карточкой у меня связано много воспоминаній. У меня можетъ стоять на столѣ портретъ Писарева: съ этимъ портретомъ у меня связано много хорошихъ мыслей. У меня можетъ висѣть изображеніе Спасителя, и это изображеніе напоминаетъ мнѣ объ этой свѣтлой личности. И вотъ я вхожу въ крестьянскую избу и вижу въ углу что то, какъ двѣ капли воды, похожее на стараго бульдога новоиспеченной нѣмецкой студенческой корпораціи. Попробую вынуть изъ кармана снимокъ съ Сикстинской мадонны и подѣлиться съ крестьяниномъ впечатлѣніями. Онъ не останется передо мной въ долгу и скажетъ мнѣ, что это просто на просто самая обыкновенная городская шлюха. А между тѣмъ моя шлюха стбитъ гораздо дешевле его бульдога; самъ я, быть можетъ, бѣднѣе его. Слѣдовательно дѣло не въ крестѣ и не въ иконѣ, а въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя примѣшиваются къ содержанію христіанскаго обычая. Что же дѣлаютъ сами врази креста. Послѣ интернаціональнаго митинга я съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ стадо соціалдемократовъ шло за тряпкой, носящей имя: знамя россійской „рабочей" соціалдемократической партіи, и все достоинство которой, повидимому, заключается въ заплаченномъ за нее 200-300-франковомъ капиталѣ. Капиталъ повисѣлъ на шестикѣ нѣсколько минутъ, и затѣмъ полиція запретила шествіе. Нужно замѣтить, что и швейцарскіе „товарищи" рабочіе черезъ своихъ представителей просили россійскихъ соціальдемократовъ не устраивать этого ночного дебоша. Въ результатѣ оказалось, что тряпка мирно лежала въ участкѣ, а четверо городовыхъ возвратилось съ укусами на тѣлѣ, причемъ у одного изъ нихъ россійскій соціалдемократъ взялъ въ мягкія, добрыя губы полицейское ухо. По сообщеніямъ женевскихъ газетъ другихъ увѣчій не оказалось. Почему это нельзя идти за крестомъ и можно идти за тряпкой, право, я понять не могу. За крестомъ люди шли на смерть, шли во имя рабочихъ стремленій; за тряпкой люди шли заграницей, Марксъ знаетъ, зачѣмъ. Но я ничего не имѣлъ бы противъ этой тряпки въ Россіи, гдѣ она была бы эмблемой соціалдемократическихъ желаній, а не пушкой, изъ которой соціалдемократы могли бы выпалить въ крестьянскую толпу во имя диктатуры пролетаріата въ ближайшемъ и во имя соціальной революціи на томъ свѣтѣ. Такъ же точно мы ничего не имѣемъ про-

тивъ *сана* священника. Дайте соціалдемократическому пастырю повседневную 8-часовую тяжелую работу при 25 цѣлковыхъ жалованья, лишите его всякаго другого дохода, и вы увидите, какъ вознесется сама на небо діалектика, какъ засверкаютъ пятки всѣхъ этихъ Троцкихъ, Дановъ и другихъ служителей соціалдемократической церкви. Намѣстникамъ же ихъ такъ подведетъ животъ, что они живо раскопаютъ тѣ камешки, которые Марксъ стянулъ у Консидерана и др. писателей, что они живо выбросятъ за окно всю необъятную литературу метафизическаго соціализма. Лишите христіанскаго священника обычая собирать подаянія по приходу, замѣните этотъ обычай жалованьемъ, не превышающимъ среднюю пролетарскую заработную плату, и вы увидите, что христіанскій священникъ освободитъ христіанство отъ всѣхъ вредныхъ для пролетаріата примѣсей, ибо ему и книги въ руки. Ну, а вамъ, сердитый читатель, понятно ли теперь, почему «Реалистъ» такъ заботится о «поповскихъ карманахъ»? Не ощущаете ли вы въ себѣ необъяснимое желаніе мотнуть хвостомъ? Не удостоите ли вы насъ еще посланіемъ, которое я на этотъ разъ прочелъ бы съ живѣйшимъ интересомъ?

Теперь перейдемъ къ обсужденію неприличія нашей критики, нашихъ «нападокъ» на науку и русскую литературу. Когда въ нѣмецкомъ парламентѣ депутатъ указываетъ на то, что такой то министръ тамъ то солгалъ, Баллестремъ звонитъ и обращается къ виновному: «Г. депутатъ! Вы не должны говорить, что министръ солгалъ. Призываю васъ къ порядку». Но «Реалистъ» не парламентскій депутатъ, а свободомыслящій соціалистическій органъ, сотрудники котораго эмансипировались отъ общественнаго мнѣнія. Если соціалдемократія высказала свое намѣреніе завести шпіоновъ, то шпіонъ въ нашихъ глазахъ не-шпіономъ не станетъ, придумывать для него другое, болѣе приличное названіе мы не считаемъ нужнымъ. Рѣзкихъ словъ въ «Реалистѣ» очень много, но всѣ эти слова хранятъ въ себѣ опредѣленное содержаніе. Когда „Освобожденіе" употребляетъ по адресу своего противника слово „неумный", то здѣсь видна извѣстная доля вѣжливости въ связи съ рѣзкимъ значеніемъ слова. Такой вѣжливости въ насъ нѣтъ именно потому, что она есть качество чуждыхъ намъ слоевъ общества. Когда мы видимъ, что кто либо говоритъ глупости, и намъ является необходимымъ доказать это, то мы подвергаемъ обсужденію рѣчь и доказываемъ, что она безсодержательна и глупа. Если бы противникъ, не смотря на рядъ вѣрныхъ доказательствъ, не понялъ и того, что мы назвали его рѣчь глупой совсѣмъ не для того, чтобы употребить рѣзкое выраженіе, то мы доказываемъ, что противникъ глупъ, какъ пробка, или вѣжливъ, какъ голштинскій дворянинъ. Съуживать русскій лексиконъ, говорить обиняками въ угоду общественному мнѣнію можетъ только человѣкъ, который не входитъ всѣмъ своимъ существомъ въ литературную дѣятельность, который оставляетъ клокъ самого себя въ лапахъ людей, создавшихъ общественное мнѣніе. Еще вреднѣе обходить рѣзкое выраженіе оказывается тамъ, гдѣ поступокъ или мысль требуетъ жизненнаго, яркаго освѣщенія, гдѣ точное выраженіе показываетъ предметъ обсужденія въ его настоящемъ видѣ. Въ этихъ случаяхъ говорить обиняками есть литературное преступленіе, выгодное для тѣхъ людей, которые нуждаются въ вѣжливости, чтобы ею прикрывать мерзкія мысли, мерзкіе поступки. Не видали ли вы въ Россіи студентовъ, которые держатъ себя съ учащейся женщиной совсѣмъ иначе, чѣмъ съ проституткой? Послушайте разговоры этихъ молодцовъ съ первой и поглядите на нихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они за

свой рубль подвергаютъ униженіямъ женщину, которая не имѣетъ этого рубля. У реалиста существуетъ одинъ языкъ, на которомъ онъ говоритъ и съ богатыми, и съ бѣдными, и съ тѣми, кто имѣетъ рубль, и съ тѣми, кто не имѣетъ рубля; въ его глазахъ и учащаяся женщина, и проститутка имѣютъ право на одну и ту же форму обращенія. Мы еще вернемся къ этому ниже. И чтобы выработать одинаковый языкъ для всѣхъ, съ кѣмъ приходится сталкиваться въ жизни, существуетъ одно средство: считаться только съ содержаніемъ обсуждаемаго предмета и выбирать для обозначенія наиболѣе пригодныя слова.

Что же касается неудачныхъ выраженій въ первыхъ номерахъ «Реалиста», среди которыхъ находятся и рѣзкія выраженія, то это зависитъ совсѣмъ отъ другихъ причинъ. Намъ до работы въ «Реалистѣ» никогда не приходилось обивать пороги редакцій или имѣть возможность «выписаться». При переходѣ отъ дѣятельности, которая ничего общаго съ литературной не имѣетъ, къ журнальной работѣ, умѣнье выражать свои мысли на бумагѣ намъ далось не сразу, и въ то время, когда на писаніе статей нѣкоторымъ изъ насъ остается очень мало времени, неудачныя выраженія врываются незамѣтно, и лишь по напечатаніи мы замѣчаемъ, что высказанную мысль можно было бы выразить гораздо лучше. И если намъ указываютъ на ту или другую ошибку въ изложеніи мыслей, то врядъ ли это дѣлается съ хорошимъ намѣреніемъ, и врядъ ли люди, обращающіе вниманіе на такіе пустяки, способны вообще къ чему нибудь серьезному.

Покончивъ такимъ образомъ съ формой критики и неприличіями, оглянемся назадъ, на нѣкоторыя критическія замѣчанія по адресу науки и интеллигенціи. Представимъ себѣ, что наша группа открыла курсы инженерныхъ, медицинскихъ и другихъ наукъ, и представимъ себѣ, что г-ну Струве пришла дикая фантазія изучить нѣсколько областей реальной науки. Слушатель нашихъ курсовъ г. Струве, вернулся бы въ Парижъ умнымъ человѣкомъ. Представимъ себѣ теперь, что г. Струве открылъ въ Парижѣ курсы метафизики. Ну, на кой чортъ понесетъ къ нему реалиста? На наше приглашеніе г. Струве могъ бы только отвѣтить, что ему некогда, или что онъ предпочитаетъ поучиться у знаменитыхъ профессоровъ или въ учебномъ заведеніи съ лучшей обстановкой занятій, или что онъ намѣренъ удовольствоваться знаніемъ метафизики и юриспруденціи, но онъ не посмѣлъ бы сказать, что мыслящій человѣкъ долженъ относиться отрицательно къ реальной наукѣ. Но если бы г. Струве пригласилъ насъ къ себѣ на выучку, то мы отвѣтили бы ему mit vorzüglicher Hochachtung, что реалистъ еще не спятилъ съ ума, чтобы рѣшиться потерять часть времени на занятія метафизической ахинеей. Слѣдовательно, реалистъ называетъ наукой только реальную науку, а все, что лежитъ внѣ ея, низводитъ на праздноболтанье или на интересное занятіе, результаты котораго еще не выяснились. Относясь съ уваженіемъ и любовью къ наукѣ, мы показываемъ это уваженіе и любовь на дѣлѣ: мы прежде всего устремляемъ нашу дѣятельность на то, чтобы наука стала собственностью не кучки лицъ, а всего человѣчества, чтобы она служила не выгодамъ кучки лицъ, а выгодамъ всего человѣчества. Геніи науки занимали и занимаютъ подобающія имъ мѣста, похитителями мы ихъ назвать не можемъ, но тѣхъ людей, призваніе которыхъ — торговать невѣсомой физической жидкостью мысли, какъ готовымъ платьемъ, мы обличаемъ. Вы теперь въ той самой русской прессѣ, которая подъ управленіемъ цензоровъ покорно исполняла роль царскаго строптиваго лакея, слышите гвалтъ о нуждахъ народнаго образованія, но гдѣ же была

русская интеллигенція, когда «Жизнь» г-на Поссе умирала заграницей медленной смертью, когда русскіе литераторы гораздо болѣе заботились о пріисканіи вересаевскихъ нянь для своихъ выродковъ и кормленіи ихъ Herkules-омъ «Образованія», чѣмъ о судьбѣ русской мысли. Хороша забота о худосочномъ народномъ образованіи подъ палкой надвигающейся революціи! Попробуйте оторвать отъ этихъ заботъ заботы о собственной утробѣ интеллигента, вы тогда поймете, что такое демократическая филантропія интеллигенціи въ дѣлѣ народнаго образованія и что такое реакція интеллигенціи при посяганіяхъ на нее самое. А лучшій журналъ Россіи «Русское Богатство» обращается къ лучшей части этого уродливаго класса, возлагая на него свои надежды, и курамъ на смѣхъ тянетъ долгіе годы волынку: нужно начинать сверху, чтобы не началось снизу. И накаркалъ. Начинается снизу. Что русскому народу альтруисты «Русскаго Богатства», которыхъ въ критическое время поглотятъ новые товарищи изъ хамелеоновъ «Искры», «Новаго Времени», «Впереда» и «Освобожденія», если у него есть интеллигентный пролетаріатъ? Что ему ждать подачки сверху, если онъ можетъ взять себѣ хлѣбъ и образованіе, перешагнувъ черезъ гешефтмахерствующихъ этими двумя хорошими вещами филантроповъ? Кому о нихъ жалѣть, какъ не альтруистамъ, которые никакъ не могутъ отрѣшиться отъ прошлаго *интеллигенціи*, какъ миража прошлаго *ея маленькой*, спасшей Римъ, *части*?

Соотвѣтственно этому у насъ было нѣсколько замѣчаній о томъ, что вознесенные русской интеллигенціей на высоту литературы люди есть ничто иное, какъ достойные современной образованной толпы идолы, что русская интеллигенція очень пригодна на жаркое и что писатели, достойные этого имени, появятся только тогда, когда народъ выкинетъ изъ себя армію замѣстителей современнаго гніющаго образованнаго общества. Но это совсѣмъ не означаетъ, что наше мнѣніе составлено на основаніи личныхъ счетовъ, основано на «неудачахъ». Въ самомъ началѣ мы уже говорили, что «Реалистъ» будетъ встрѣченъ неодобреніемъ, что дѣятельность его не будетъ нравиться русской интеллигенціи. Мы шли прямо, и если факты доказали справедливость нашихъ мнѣній, то эта «неудача» для насъ есть удача. Очень рѣдкій интеллигентный пролетарій поставленъ въ такія благопріятныя условія для наблюденій, какъ мы. «Реалиста» читаютъ во всѣхъ концахъ земного шара; мы видимъ, какъ относится къ нему заграничная русская публика и какъ образованное общество въ Россіи. Подведя итогъ этимъ наблюденіямъ, мы пришли къ убѣжденію, что нашъ взглядъ на современную русскую интеллигенцію былъ вѣренъ до мельчайшихъ деталей. Богатыя наблюденія человѣка, который бывалъ во многихъ мѣстахъ Россіи, который сталкивался съ самыми разнообразными слоями общества, были ничто въ сравненіи съ тѣми наблюденіями, которыя намъ довелось сдѣлать за годичный срокъ существованія «Реалиста». Передъ нами была, какъ на ладони, русская интеллигенція, наша принадлежность къ разряду невѣждъ выяснилась самымъ блистательнымъ образомъ. Мы слышимъ вокругъ себя языкъ, который есть пародія на русскій языкъ; неуклюжія слова изъ нѣмецкой метафизики переплетаются съ канцелярщиной «Освобожденія»; заранѣе можно сказать, сколько разъ попадется въ статьѣ нелегальнаго изданія: постольку — поскольку, съ одной стороны — съ другой стороны и т. п.; бѣдность впечатлѣній выражается въ бѣдности языка. И эти послѣдыши, запрятавшіе русскій литературный языкъ въ узенькій кругъ жаргона, увѣряютъ, что не только стиль статей «Реалиста» никуда не годится,

но и самъ журналъ малограмотенъ. Что долженъ сдѣлать «Реалистъ», чтобы улучшить свой слогъ? Заучить нѣсколько построеній, говорить чаще: постольку — поскольку, съ одной стороны — съ другой стороны, и тогда его языкъ будетъ по душѣ противникамъ. Что же должны сдѣлать противники, чтобы ихъ слогъ понравился «Реалисту». Они должны запастись громаднымъ лексикономъ словъ, взятыхъ изъ впечатлѣній личной жизни каждаго сотрудника, они должны выбросить метафизическіе термины, — а съ ними, слѣдовательно, все свое внутреннее содержаніе — канцелярщину, однообразность построеній. Говоря на двухъ разныхъ языкахъ, обѣ стороны, разумѣется, плохо понимаютъ другъ друга, и уже въ одномъ этомъ стоятъ другъ противъ друга двѣ разныя психологіи. Переходя къ дальнѣйшему, мы безъ труда поймемъ, почему мнѣніе «Реалиста» о Гегелѣ носитъ на языкѣ противника названіе: мнѣніе невѣжды. Они сами понимаютъ, что Гегель ошибался въ своихъ опредѣленіяхъ того или другого явленія природы, но они ставятъ ему въ заслугу его труды въ области чистой метафизики. Мы же, когда говорили о Гегелѣ, имѣли въ виду приложеніе метода къ научному изслѣдованію, хотѣли показать, къ какимъ *реальнымъ* результатамъ привелъ Гегеля его діалектическій методъ. Какъ реалисты, мы не цѣнимъ заслугъ Гегеля въ области чепухи, и Гегель для насъ является круглымъ невѣждой. Дѣло доходитъ до Энгельса, который подобрался къ діалектикѣ съ другой стороны. И вотъ мы доказываемъ еще разъ, что Энгельсъ — круглый невѣжда. Противники судятъ не по реальнымъ результатамъ, видятъ, что «Реалистъ» метафизической чепухи знать не желаетъ, что этой метафизической чепухи не понимаетъ, и со своей стороны находятъ, что «Реалистъ» — невѣжда. Съ точки зрѣнія метафизика они правы, «Реалистъ» съ точки зрѣнія реальной науки также правъ. Недоразумѣніе, слѣдовательно, заключается въ той или другой „точкѣ зрѣнія".

Съ этой то „точки зрѣнія" мы и бросимъ взглядъ на нѣкоторыхъ идоловъ интеллигенціи. Въ одномъ изъ номеровъ «Журнала для всѣхъ» мнѣ довелось прочесть большой разсказъ. Съ первыхъ страницъ я уже увидалъ, что писку и страданіямъ не будетъ конца. Люди влюбляются, въ разговорахъ вдаются въ отвлеченности, говорятъ глупости и спасаютъ отечество. Толка отъ этихъ занятій, конечно, нѣтъ никакого. Добравшись до конца, я увидѣлъ въ заключеніи нѣчто оригинальное и этимъ оригинальнымъ подѣлюсь съ читателемъ. Въ концѣ всякаго разсказа большинство идоловъ интеллигенціи изобрѣтаетъ какой нибудь родъ смерти, что нибудь кровавое или просто эффектное, напоминающее тотъ звукъ, который издаетъ на провинціальной сценѣ оперная пѣвица, закативъ глаза и ткнувъ перстомъ наивозможно дальше въ небо. Главное дѣйствующее лицо въ означенномъ разсказѣ кончаетъ свою жизнь не какъ обыкновенные люди. Въ дремучемъ лѣсу, въ шалашѣ лежитъ молодой человѣкъ и умираетъ. Подходитъ медвѣдь, оглядываетъ умирающаго съ головы до ногъ и ждетъ дальнѣйшаго хода событій. Молодой человѣкъ замѣчаетъ звѣря и чувствуетъ желаніе какимъ бы то ни было образомъ показать ему всю свою симпатію. Медвѣдь нѣжностей не долюбливаетъ и недовольно отходитъ прочь. Молодой человѣкъ продолжаетъ умирать. Медвѣдя смѣняетъ заяцъ и съ любопытствомъ смотритъ на оригинала. Молодой человѣкъ съ любопытствомъ смотритъ на зайца и, когда тотъ исчезаетъ, находитъ, наконецъ, возможнымъ умереть. Авторъ разсказа рѣшаетъ, что недостаточно проняхъ своего читателя и бьетъ эпилогомъ на телячью нѣжность любителя необыкновенныхъ смертей. Мимо шалаша проходитъ толпа

плотниковъ. Одинъ изъ нихъ заглядываетъ въ шалашъ и усматриваетъ разлагающійся трупъ. Плотникъ почему то *сердится*, хватаетъ мертвое тѣло за ноги и волочитъ его по землѣ такъ, что голова мертвеца бьется о неровности почвы. Затѣмъ всѣ плотники становятся вокругъ умершаго оригинала, снимаютъ шапки, крестятся и идутъ дальше. Подпись — Арцыбашевъ.

Посмотримъ на другого, уже знаменитаго писателя, «героя дня». Рѣдкій россіянинъ не читалъ «Жизнь Василія Ѳивейскаго». Въ мою задачу отнюдь не входитъ разборъ этого произведенія, я хочу отмѣтить только характерную черту Андреева, которая является вмѣстѣ съ тѣмъ и характерной чертой большинства русской интеллигенціи — психическое разстройство. Сгущеніе красокъ, неправдивость разсказа можетъ отрицать только тотъ, кому мало приходилось наблюдать типъ деревенскаго священника. Всѣ критики сошлись на томъ, что эпизодъ у гроба есть центръ тяжести разсказа. О немъ я и скажу нѣсколько словъ. О. Василій «увѣровалъ» и обращается къ трупу съ приглашеніемъ встать. Трупъ, конечно, продолжаетъ лежать. Метафизическій выводъ: уронъ престижа религіи. Реалистическій выводъ: недостаточность научныхъ знаній у Ѳивейскаго. Изъ за чего же было и огородъ городить? Можно было бы сказать ясно и просто: русскій священникъ въ общемъ невѣжественъ, а о. Василій Ѳивейскій, подобнаго которому вы не найдете въ Россіи, также невѣжественъ. Слѣдовательно, нужно уничтожить монополію знаній. Но объ этомъ Андреевъ ни пикнетъ, онъ лучше поговоритъ съ вами о религіи и Богѣ. Съ первой строки повѣсти до послѣдней для меня было ясно, что разсказъ сумасшедшаго предназначенъ для сумасшедшихъ читателей, которые, еслибы искусственно отдалить русскую революцію, въ концѣ концовъ превратились бы въ идіотовъ, чрезвычайно похожихъ на идіота — сына о. Василія Ѳивейскаго. Ненормальный человѣкъ можетъ безъ всякаго вреда читать Андреева, но принудьте здравомыслящаго человѣка въ теченіе трехъ дней заняться этимъ чтеніемъ, и онъ свихнется съ ума. Я имѣю право по сочиненіямъ Андреева судить объ его читателяхъ и поклонникахъ.

Не къ русской литературѣ мы относимся отрицательно, а къ тому обществу, для котораго предназначена эта литература. Писатель есть снимокъ съ тѣхъ круговъ, для которыхъ онъ работаетъ, и для того, чтобы измѣнить составъ писателей, нужно измѣнить составъ читателей, а слѣдовательно строй общественной жизни. Никакимъ переворотомъ, не имѣющимъ первымъ слѣдствіемъ замѣну современнаго образованнаго общества другимъ, нельзя достигнуть расцвѣта русской литературы; пробужденіе русской мысли тѣсно связано съ уничтоженіемъ сгнившихъ слоевъ, съ замѣною ихъ свѣжими интеллектуальными силами. Инстинктъ самосохраненія интеллигенціи есть проявленіе реакціи мысли, и духовный подъемъ зависитъ отъ степени борьбы съ современной интеллигенціей. До тѣхъ же поръ, пока переворотъ не свершился, популярный писатель есть псевдо-писатель въ строгомъ смыслѣ этого слова и есть представитель духовной реакціи. Такимъ образомъ объяснять нашу критику личнымъ тщеславіемъ — нелѣпо. Мы отлично знаемъ, что «Реалистъ» не можетъ быть популяренъ и что статьи «Реалиста» только тогда будутъ оцѣнены, когда произойдетъ обозначенный нами переворотъ и когда психологія новаго русскаго образованнаго общества будетъ радикально противоположна психологіи современной интеллигенціи. Мы съ ученической скамейки до зрѣлаго возраста находились подъ гнетомъ александровскаго и николаевскаго

режимовъ, весь строй русскаго государства, съ которымъ оказалось несовмѣстимымъ духовное развитіе народа, отозвался на нашемъ интеллектѣ. И вотъ совершается переворотъ, встаютъ новые люди, размахъ натуры которыхъ не задерживается препятствіями, стоявшими передъ нами. Ну, съ какой стати мы будемъ ставить себя на одну доску съ ними? Не достаточно ли будетъ намъ порадоваться тому, что мы приготовили для нихъ органъ, не зависящій отъ изломаннаго общества, для сотрудника котораго не требуется опытность заслуженнаго писаки, обширность знаній согласно оцѣнкѣ заслуженныхъ писакъ, что мы даемъ имъ возможность пріобрѣтать опытность и знанія рука объ руку съ дѣятельностью писателя, что эти люди помянутъ насъ добрымъ словомъ, а съ ними и будущее образованное общество?

Теперь о проституткахъ. Наплись тупицы, которыя приписали намъ желаніе видѣть у русскихъ женщинъ черты лица французской проститутки. Недоразумѣніе, вѣроятно, выросло на томъ, что мы говоримъ на разныхъ языкахъ. Россійскій гражданинъ около своего «предмета» съ отвращеніемъ вспоминаетъ о проституткѣ, съ которой онъ, можетъ быть, совсѣмъ не задолго передъ этимъ имѣлъ дѣло. Для него предметъ его любви и проститутка — земля и небо. Мы никакой разницы здѣсь не видимъ: у проститутки и у не-проститутки одни и тѣ же половые органы, однѣ и тѣ же способности къ материнству. Мало ли на русской землѣ студентовъ, у которыхъ матери — проститутки. Дѣвушка выходитъ замужъ не по склонности и продаетъ свои половыя способности оптомъ, въ то время, какъ собственно проститутка торгуетъ въ розницу. Намъ не понятно то разграниченіе, по которому первая проститутка имѣетъ право относиться съ брезгливостью ко второй, намъ непонятно, почему первую называютъ нравственной женщиной, а вторую безнравственной. Развѣ только потому, что первую меньше ругаетъ или бьетъ законный посѣтитель, чѣмъ вторую; развѣ только потому, что общественное мнѣніе первую одобряетъ, вторую порицаетъ; развѣ только потому, что у первой дѣти спятъ въ мягкихъ кроваткахъ и дѣлаются юристами, инженерами въ то время, какъ у второй дѣти воспитываются въ лучшемъ случаѣ въ воспитательныхъ домахъ и пополняютъ толпы нищихъ. Для меня моя сестра, жена, мать отличаются отъ проститутки только тѣмъ, что онѣ поставлены въ лучшія условія и требуютъ меньшей защиты со стороны друга женщины, чѣмъ проститутка. Проститутка стоитъ мнѣ ближе: во-первыхъ, какъ пролетарская женщина, во-вторыхъ, какъ самая обиженная пролетарская женщина. Разсматривая причины проституціи, я прихожу къ выводу, что онѣ зависятъ отъ рабства женщины и что женщина, которая освобождается отъ этого рабства, есть передовая женщина. Бросая взглядъ на различныя страны, я вижу, что Франція стоитъ впереди всѣхъ въ борьбѣ съ источникомъ рабства женщины — невѣжествомъ и капитализмомъ, что вся славная исторія Франціи состоитъ изъ геройской борьбы во имя свободы, равенства и братства, что пролетарская женщина Франціи стоитъ впереди всѣхъ женщинъ въ этой борьбѣ. Эта борьба наложила отпечатокъ на лицо француженки. Когда я пріѣхалъ въ первый разъ въ Парижъ, то меня изумилъ видъ французскихъ женщинъ. Напр., я въ Россіи думалъ, что завитые волосы есть принадлежность внѣшняго вида француженки. Въ Германіи я увидѣлъ, что почти всѣ нѣмки носятъ эту прическу. Въ Парижѣ меня удивило, что француженки ходятъ съ гладко причесанными волосами; завитыхъ я видѣлъ очень мало. Дѣло, конечно, не въ прическѣ, но этотъ незначительный фактъ имѣлъ для меня то значеніе,

что я сталъ всматриваться въ лицо француженки и замѣтилъ особое выраженіе лица, свойственное всѣмъ французскимъ женщинамъ. Это — черты благородства, смѣлости и отваги. Со мной можно не согласиться, упрекнуть въ излишней наблюдательности, но сути дѣла такой упрекъ не перемѣнитъ, и если моя статья въ № 2 «Сила и Право» говоритъ: «Не только у всякой работницы, но и у всякой уличной женщины Парижа изъ подъ бѣлилъ, изъ подъ складокъ пошлой улыбки видны черты лица статуи Свободы, тѣ благородныя черты, которыя могутъ быть лишь у освобождающейся отъ рабства брака и общественной жизни женщины, которыя такъ хочется видѣть въ русскихъ женщинахъ и матеряхъ», то только отъявленный негодяй способенъ не понять заключающейся въ этихъ словахъ мысли.

Въ заграничной печати сплошь и рядомъ можно встрѣтить нападки на вождей соціалдемократіи. Напр., предсѣдатель извѣстнаго амстердамскаго конгресса Ванъ-Коль — рабовладѣлецъ, такъ какъ имѣетъ на своихъ плантаціяхъ самыхъ настоящихъ невольниковъ. Эта средневѣковщина приводитъ въ негодованіе европейскихъ свободомыслящихъ буржуа, и они обрушиваются въ своей печати на этого субъекта, который въ отвѣтъ посмѣивается въ бороду. Если бы намъ пришлось упомянуть объ этомъ фактѣ, то мы это сдѣлали бы не затѣмъ, чтобы пригвоздить къ позорному столбу вождя соціалдемократіи, а затѣмъ, чтобы указать на то, что только у соціалдемократовъ возможны такія гнусности, какъ слова Каутскаго:

«Единственный оплотъ политической свободы пролетарія, оплотъ, который у него нельзя такъ легко конфисковать, (Еще бы! Дура что ли нѣмецкая буржуазія! Р-ть,) это — трактиръ.

Это счастье, что движеніе въ пользу трезвости при нѣмецкихъ условіяхъ, столь отличныхъ отъ англійскихъ, не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Если бы это было иначе, то оно представляло бы прямо таки опасность для освободительной борьбы пролетаріата.»*

Какъ не счастье! Пьяный рабочій не то, что милліонера Ванъ-Коля, а и архимилліонера Ротшильда себѣ на шею посадитъ и назоветъ это верхомъ развитія классоваго самосознанія. Въ № 2 «Сила и Право» въ разсказѣ „Гляди въ оба" былъ выведенъ русскій соціалдемократъ и выставленъ въ неприглядномъ видѣ. У нѣкоторыхъ читателей явился вопросъ: почему же соціалдемократъ, а не либералъ или другого направленія интеллигентъ? Отвѣтъ простъ: либералъ имѣетъ рабовъ, но соціалистомъ себя не называетъ; извѣстная же часть соціалдемократовъ имѣетъ прислугу и званіе соціалиста. Изъ этого совсѣмъ нельзя заключить, что мы хотимъ усовѣстить или обидѣть соціалдемократовъ; мы только находимъ, что русскіе крестьяне и рабочіе должны бороться съ буржуазіей, а не быть дисциплинированными халуями какой либо ея части.

Есть у насъ читатель, который недоумѣваетъ, почему это мы называемъ „мелкихъ собственниковъ" пролетаріями. Отвѣтить нетрудно. Потому, что мы принимаемъ во вниманіе не только частную собственность на средства производства и обмѣна; потому, что мы не хотимъ дѣлать послѣ соціальной революціи капиталистовъ народными кредиторами и защищать по выкупнымъ обязательствамъ ихъ права на продукты народнаго труда, какъ это мы видимъ въ соціалдемократиче-

* Die Neue Zeit. IX Jahrgang, № 30, стр. 107. См. «Какова должна быть программа русскихъ пролетаріевъ?» В. А. Поссе, вып. четв. стр. 315.

ямъ „научнымъ" соціализмѣ;* потому, что мы и въ этой душеспасительной теоріи видимъ замѣну современнаго капиталистическаго гнета худшимъ капиталистическо-соціалдемократическимъ гнетомъ. Термины „буржуазія" и „пролетаріатъ" для насъ только понятія, подъ которыя можно подвести тотъ или другой разсматриваемый классъ, ту или другую человѣческую единицу. Разлагая человѣческое общество на его составныя части, мы считаемся лишь со свойствами элементовъ, съ ихъ способностью къ совершенію соціальной революціи. Такимъ образомъ рабочаго, который получаетъ *небольшую* заработную плату, и крестьянина, который получаетъ *небольшой* доходъ со своего хозяйства, мы называемъ пролетаріями, т. е. людьми, лишенными правъ (независимо отъ того, замѣнены ли: капиталистическое производство общественнымъ, деньги дающими права на *продукты* производства цѣнными бумагами) на общечеловѣческое достояніе.

Что же касается границы между пролетаріатомъ и буржуазіей, то, чтобы читатель получилъ опредѣленное и ясное понятіе о строеніи борьбы многочисленныхъ классовъ, которая сводится къ борьбѣ двухъ враждебныхъ лагерей, я приведу примѣръ, но во избѣжаніе какихъ либо недоразумѣній прошу смотрѣть на нижесказанное не болѣе, какъ на примѣръ.

Разложимъ человѣчество на его составныя части и разсмотримъ единицу человѣчества — человѣческій организмъ. Мозгъ заключенъ въ герметически закупоренный сосудъ, который обладаетъ маленькими отверстіями для кровеносныхъ сосудовъ и состоитъ изъ черепа и его продолженія — трубы позвоночнаго столба. Сосудъ состоитъ изъ изолирующаго матеріала — кости. Каково назначеніе мозга? На это намъ даетъ отвѣтъ система нервовъ. Нервы, какъ головного, такъ и

* См. «Соціальная революція» Каутскаго и вышеозначенный трудъ г. Поссе.

Курьезнѣе всего, что большинство соціалдемократовъ совершенно не знаетъ, что такое ихъ собственная, соціалдемократическая „соціальная революція". Поговорите съ ними, и они удивятся, если вы имъ скажете, что *послѣ соціальной революціи*:

> соціалдемократія вводитъ новый видъ военщины, который „при случаѣ будетъ стоить столько же, сколько постоянное войско"; биржа достигаетъ своего высшаго развитія и посредствомъ цѣнныхъ бумагъ распоряжается продуктами соціалдемократическаго производства; капиталисты будутъ заниматься биржевыми операціями, стричь купоны, жить въ роскоши и исполнять лишь одну обязанность: угнетать „побѣдоносный пролетаріатъ", начальство котораго подъ предсѣдательствомъ тѣхъ же Ванъ-Колей только „прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ привлечетъ къ покрытію государственныхъ расходовъ крупные доходы и состоянія"; рабочій, имѣя одного работодателя и не имѣя права переходить съ фабрики на фабрику, будетъ изнывать подъ игомъ биржи, полиціи и привилегированнаго, въ смыслѣ пользованія плодами его трудовъ, начальства и т. д.

При всякомъ подобномъ разговорѣ мало мальски освѣдомленному съ соціалдемократической литературой человѣку приходится просить соціалдемократа ознакомиться съ трудами „научныхъ" соціалистовъ и рекомендовать для прочтенія ту или другую книгу Каутскаго, Геда и другихъ ученыхъ талмудистовъ, если, конечно, тотъ откровенно не скажетъ, что думать — не его дѣло и что за него думаетъ начальство.

спинного мозга распадаются на два вида: двигательные и чувствительные. Въ то время, какъ большая часть двигательныхъ и чувствительныхъ нервовъ головного мозга разъединены другъ съ другомъ, два рода нервовъ спинного мозга соединены парами возлѣ самаго позвоночнаго столба. Имѣющее всѣ свойства изолятора вещество сосуда наводитъ насъ на предположеніе, не обладаетъ ли мозгъ свойствами электрическаго аккумулятора. Строеніе нервовъ предположеніе подтверждаетъ. Выходя съ двухъ роговъ, двигательный и чувствительный нервы соединяются и идутъ къ своимъ мышцамъ. Если мы разсмотримъ подъ микроскопомъ общій проводъ, то увидимъ, что онъ состоитъ изъ большого количества изолированныхъ нервныхъ волоконъ; если мы разсмотримъ отдѣльное волокно, то увидимъ, что оно состоитъ изъ двухъ проводовъ и изолятора. Подозрѣніе растетъ, и мы производимъ съ двигательнымъ нервомъ извѣстный въ медицинѣ опытъ. Подвергнемъ нервъ дѣйствію электрическаго тока и мышца сократится. Ясно, что по первому проводу идетъ изъ мозга токъ, проходитъ черезъ мышцу, сокращаетъ ее и возвращается по второму проводу къ своему источнику. Сдѣлаемъ еще опытъ съ емкостью аккумулятора. Срѣжемъ у животнаго слой верхней части головного мозга. Животное теряетъ живость и хуже соображаетъ. Срѣжемъ еще и еще, и въ концѣ концовъ животное превращается въ тупицу. Емкость аккумулятора доказана. Какая же цѣль кровеносныхъ сосудовъ, входящихъ въ мозгъ? Является предположеніе, что цѣль ихъ хранить активную массу аккумулятора въ неизмѣнномъ видѣ. И дѣйствительно, мы видимъ, что мозгъ тотчасъ послѣ смерти измѣняетъ составъ своего вещества, и это явленіе долгое время служило препятствіемъ къ изслѣдованію мозга. Не вдаваясь въ дальнѣйшія доказательства, которыхъ у меня очень много, я прихожу къ заключенію, что мозгъ есть аккумуляторный элементъ и что мышца есть аппаратъ для извѣстнаго въ электротехникѣ превращенія электрической силы въ механическую.

Представимъ себѣ человѣчество, какъ совокупность мыслительныхъ элементовъ, и государство, какъ сѣть проводниковъ между элементами. Такъ какъ назначенія чувствительныхъ нервовъ и механической передачи мысли я рѣшилъ не касаться, принимая во вниманіе, что статья вышла объемиста, то, заключивъ элементы въ общій кругъ, замыкаю цѣпь и опредѣляю ихъ отношенія другъ къ другу въ простѣйшемъ видѣ. Человѣчество предстаетъ передо мной въ видѣ элементовъ, соединенныхъ такъ: + - + - - + - + + - и т. д. Мы видимъ двѣ группы: - + - + и + - + - + - Группы враждебны, такъ какъ посылаютъ токъ мысли навстрѣчу другъ другу. Взаимодѣйствіе этихъ двухъ токовъ есть классовая борьба буржуазіи и пролетаріата, обусловливающая собою реакцію и прогрессъ. Вспомнимъ извѣстную электротехническую формулу, и мы увидимъ, что потеря въ напряженіи мысли зависитъ отъ внутренняго сопротивленія мозга, отъ внѣшняго сопротивленія проводника и отъ силы теченія. Въ каждомъ отдѣльномъ элементѣ въ зависимости отъ сѣти проводовъ, слѣдовательно, кроются промежуточные слои этихъ двухъ классовъ отъ высшей враждебности до полнаго нейтралитета. Такимъ образомъ граница между буржуазіей и пролетаріатомъ опредѣляется словомъ „нейтралитетъ" и обозначается цифрой 0, т. е. недоступной измѣренію величиной, изображаемой графически посредствомъ системы координатъ. Положимъ, пролетарскій элементъ враждебенъ буржуазіи очень мало, выражается цифрой 0, 000000001 и сравнительно близко приближается къ границѣ 0. Этому пролетарскому элементу немногаго недостаетъ, чтобы перейти границу нейтра-

литета, перемѣнить полюсы и сдѣлаться враждебнымъ уже пролетаріату.

Приведенный мною примѣръ точно показываетъ, что мы понимаемъ подъ словомъ „классовая борьба" и что подъ словами: „граница между буржуазіей и пролетаріатомъ".

Нѣтъ въ мірѣ народа, болѣе неблагодарнаго къ своимъ радѣтелямъ, чѣмъ русскій народъ. На всѣ хлопоты буржуазныхъ руководителей у него имѣется одинъ отвѣтъ: скептическое „ну", приправленное стономъ или крѣпкимъ словомъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ произошло множество перемѣнъ; изъ знатныхъ варваровъ выработалось гуманное дворянство, изъ грубыхъ дьяковъ, приказныхъ людей и всякаго рода служилыхъ бѣлоручекъ образовалась служилая интеллигенція, но это развитіе не коснулось народа. Мало отличается современный русскій крестьянинъ отъ крестьянина XV-го столѣтія; подъ косымъ угломъ шли впередъ цивилизація верховъ и страданія низовъ, и далеко ушли другъ отъ друга оба противника. Слова „земля" и „міръ", какъ и пять столѣтій тому назадъ, охватываютъ собою всѣ прогрессивныя стремленія крестьянства, внѣ этихъ словъ для него прогресса не существуетъ.

Всмотримся въ нѣкоторыя характерныя черты развитія капитализма въ Россіи. Народныя страданія начинаются переворотомъ, о которомъ нѣтъ точныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній, но который достаточно опредѣляется ограниченіемъ общиннаго самоуправленія княжеской деспотіей. Вмѣстѣ съ княземъ и дружиною врывается въ Россію право частной собственности, образуются общественные классы: бояре, дѣти боярскіе, посадничьи, гриди, купцы, житые люди. Распространявшаяся на русскія области и сосѣднія страны торговля замѣнила собою обмѣнъ исключительно для удовлетворенія потребностей, и мы знаемъ, что уже при Іоаннѣ III въ Новгородъ съѣзжались со всѣхъ сторонъ купцы съ медомъ, воскомъ, мѣхами, солью, рыбой, лѣсомъ, пенькою, льномъ и другими товарами, увозя съ собой сукна, матеріи и драгоцѣнные металлы. Приблизительно къ этому же періоду времени относится и осязательное вліяніе западноевропейскаго капитала. Когда корабль англійскаго общества «The Mistery» присталъ въ 1553 году къ устью Двины и командиръ пріѣхалъ въ Москву, то Іоаннъ выдалъ ему грамоту, въ которой позволялъ англійскимъ купцамъ торговать въ Россіи безпрепятственно. Образовавшаяся въ Лондонѣ компанія капиталистовъ для торговли съ Россіей, патентованная королевой Викторіей, завела торговые дворы въ Вологдѣ, Холмогорахъ и Москвѣ безъ платежа за нихъ податей. Англійскіе корабли съ этихъ поръ ежегодно прибывали къ устью Двины съ самыми разнообразными товарами; торговыя сношенія съ Англіей приняли значительные размѣры. Англичанамъ были даны большія права: русскія власти не имѣли права вмѣшиваться въ ихъ торговыя дѣла, заимодавецъ не имѣлъ права посадить должника-англичанина въ тюрьму; въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ дозволялось хожденіе англійской монеты. Въ 1567 году англійской компаніей въ Вологдѣ была основана *канатная фабрика*, въ Холмогорахъ *прядильная фабрика*, въ Новгородѣ, Псковѣ, Ярославлѣ, Казани, Астрахани, Костромѣ, Ивангородѣ, Корелѣ были заведены склады и магазины.

Недовольствомъ русскихъ купцовъ воспользовались нѣмцы, голландцы и фламандцы и не упустили удобнаго случая, чтобы уронить англичанъ въ глазахъ ихъ русскихъ конкуррентовъ. Въ 1646 году русскіе купцы подали челобитную, и Алексѣй Романовъ лишилъ иностранцевъ привилегій. Но русскіе купцы не получили никакихъ выгодъ: нѣмцы и голландцы имѣли дворы въ главныхъ городахъ Россіи, бороться съ иностранцами было трудно. Изъ одного этого видно, что западноевропейскій капиталъ уже въ концѣ XVI-го столѣтія побѣдоносно вошелъ въ Россію. Въ 1653 году торговля иностранцевъ была обложена болѣе высокой пошлиной, льготы были ограничены, но и эти мѣры не помѣшали преобладанію иностранцевъ даже во внутренней торговлѣ. Торговая оргія тяжело отозвалась на народной жизни, и „челобитная бѣдныхъ" 1660 года можетъ служить иллюстраціей къ злоупотребленіямъ, происходившимъ въ Псковѣ и пригородахъ, когда „богатые" выбирали „своихъ" въ таможенные головы, цѣловальники, обкрадывали казну и заставляли „бѣдныхъ" подписывать невѣрныя заявленія.

Крестьянскія общины за періодъ царствованія Алексѣя Романова достигли верха своего разоренія. Въ Малороссіи евреи забрали въ свои руки земли арендой; число евреевъ въ началѣ 17 столѣтія достигло такой цифры, что подъ ихъ властью стономъ застонала Южная Русь, что ощипанный народъ несмѣтными толпами убѣгалъ въ Запорожье, бросался въ казачество. То же явленіе мы наблюдаемъ и въ Великороссіи. Безстыдный грабежъ продуктовъ сельскаго хозяйства разорилъ крестьянскія общины, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, принявшее въ концѣ XVII столѣтія форму крѣпостного права, лишало ихъ всѣхъ способовъ защиты. Вотчинные крестьяне перебѣгали на другія земли, крестьяне мелкихъ землевладѣльцевъ уходили въ имѣнія крупныхъ помѣщиковъ, долго жданная реформа законодательства оказалась новымъ покушеніемъ на народъ. Уложеніе 1648 года позаботилось объ уголовныхъ законахъ, государевыхъ обидахъ, ввело „слово и дѣло", но крестьянамъ пользы не принесло. Этотъ періодъ русской исторіи особенно интересенъ въ виду предстоящей русской революціи, такъ какъ въ эту эпоху особенно ясно проявились стремленія крестьянства и выяснилась та цѣль, которую свято хранитъ въ своихъ мысляхъ крестьянинъ. Безцѣльная война съ Швеціей была однимъ изъ сильныхъ ударовъ русскому сельскому хозяйству. Андрусовскій договоръ сдѣлалъ Алексѣя врагомъ Малороссіи и отразился на экономическихъ условіяхъ жизни малорусскихъ крестьянъ. Винные откупы, десятая пошлина, умноженіе вотчинъ были встрѣчены негодованіемъ въ деревнѣ. Крестьяне стали убѣгать на Донъ болѣе, чѣмъ когда либо; образовалось цѣлое сословіе казаковъ, которые, въ отличіе отъ природныхъ казаковъ, получили названіе «воровскихъ». Въ передѣлы поступали даже земли духовенства, дѣлили даже огородную землю, церковному причту и священникамъ стали отдавать самую худшую часть пая. Но всѣ усилія деревни поправиться разбивались объ алчность служилыхъ и приказныхъ людей, о невѣроятные поборы и притѣсненія со стороны землевладѣльцевъ. Съ тоской оглядывалось по сторонамъ русское крестьянство, возстаніе было уже близко. Наконецъ, изъ народной массы поднялся герой, о которомъ говоритъ старинная, столь любимая теперь населеніемъ по Шекснѣ, пѣсня: «не думалъ думушки со старыми казаками, а сталъ думать крѣпкую думушку съ голытьбою».

До сихъ поръ образованное общество Россіи не освободилось отъ дикихъ взглядовъ на народныхъ героевъ; личныя качества ихъ подвергаются всестороннему обсужденію; свойствами характера объясняется ихъ вліяніе на свою среду. Даже знаменитый историкъ Костомаровъ говоритъ: «поднялись язычники, инородцы, мордва, чуваши, че-

общинное землевладѣніе (тезисъ) переходитъ къ своему отрицанію (антитезѣ) — частной собственности на землю, но такъ какъ все движется, все течетъ, то и это отрицаніе перейдетъ въ свое отрицаніе, и частная собственность превратится въ коммунизмъ».

«Что касается народниковъ, то они и теперь клянутся именемъ Н. Г. Чернышевскаго, когда доказываютъ необходимость закрѣпленія общины, забывая о томъ, что Н. Г. Чернышевскій защищалъ общину, какъ діалектикъ, именно *потому*, что онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія діалектическаго развитія.»

Припомнимъ слова Писарева, что этимъ методомъ можно доказать все, что угодно, смотря по тому, что взято за тезисъ, и построимъ нѣсколько тріадъ:

Повинуясь закону міровой діалектики, консервативная философія Гегеля переходитъ къ своему отрицанію — коммунистической теоріи Маркса, но такъ какъ все движется, все течетъ, то и это отрицаніе переходитъ въ свое отрицаніе и *коммунистическая* теорія Маркса превращается въ *коллективистическую* теорію современныхъ враговъ коммунизма — «марксистовъ».

Повинуясь закону міровой діалектики, содержаніе всякаго номера «Искры» переходитъ въ свое отрицаніе — содержаніе слѣдующаго номера «Искры», но такъ какъ все движется, все течетъ, то содержаніе и этого номера «Искры» переходитъ въ свое отрицаніе — содержаніе слѣдующаго за нимъ номера «Искры».

Повинуясь закону міровой діалектики, извѣстное отношеніе россійскихъ соціальдемократовъ къ русскому крестьянству съ приближеніемъ революціи переходитъ въ свое отрицаніе, но такъ какъ все движется, все течетъ, то не долженъ ли русскій крестьянинъ имѣть въ виду новое отрицаніе и не должены ли во время аграрной революціи запѣть Лазаря уличенный въ діалектикѣ соціальдемократъ?

Повинуясь закону міровой діалектики, эти діалектическія *построенія* переходятъ къ своему отрицанію — примѣненію индуктивнаго метода мышленія, но такъ какъ все движется, все течетъ, то нужно бояться, что въ «Реалистѣ» впослѣдствіи будутъ найдены всѣ типическія черты стоящаго на „точкѣ зрѣнія діалектическаго *развитія*" журнала.

Что частная собственность превратится въ коммунизмъ, это намъ понятно, но какимъ образомъ научный методъ могъ превратиться въ діалектическій, этого мы понять совершенно не можемъ. Открывшіе походъ противъ Чернышевскаго марксисты дѣйствовали очень осторожно: даже въ статьѣ г. Плеханова «Н. Г. Чернышевскій» говорится, что этотъ писатель называлъ свой методъ мышленія гипотетическимъ. «Образованіе» же прямо разсчитываетъ на то, что читающая Россія лишена возможности ознакомиться съ трудами Чернышевскаго, и клевещетъ на него даже безъ тѣхъ оговорокъ, къ которымъ въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ марксисты. По Бельтову Чернышевскій оказался пособникомъ капитализма въ самомъ гнусномъ и въ самомъ вредномъ его видѣ. И чтобы доказать это, понадобилось не болѣе, какъ приписать ему несуществующія заслуги въ пустопорожней области философіи, сдѣлать его недоразвитымъ ученикомъ нѣмецкихъ метафизиковъ, затушевать его заслуги въ аграрномъ вопросѣ, — словомъ, предъявить марксистскія права на злѣйшаго врага Маркса. «Объ одеждахъ его метаху жребій и народники и марксисты», — говоритъ «Образованіе». Что же это за литература, въ которой подвизаются взбѣсившіяся Коробочки и заграничные комиссіонеры, что же это за несчастная

страна, надъ которой можно дѣлать такіе эксперименты, что же это за головы, которыя можно наполнять пенькой и марксистскими помоями? Кто были любимые учителя Чернышевскаго? Не Ю.м ли, не Фурье ли? Кого изъ любимыхъ Чернышевскимъ соціалистовъ хоронятъ его доброжелатели во избѣжаніе нѣкоторыхъ, непріятныхъ для соціалдемократіи послѣдствій? Не Консидерана ли и другихъ французскихъ соціалистическихъ, писателей. Не меньше ли всего достойны довѣрія собственныя слова Чернышевскаго о своемъ индуктивномъ методѣ мышленія? Верхъ искусства — поставить діалектику „съ головы на ноги", но превратить основаніе реальной науки — индуктивный методъ въ діалектическій — фокусъ прямо таки поразительный. Правъ былъ Писаревъ, когда косо смотрѣлъ на воинственныя прогулки Чернышевскаго въ метафизическіе лѣса противниковъ, на его манію сражаться съ врагами ихъ же собственнымъ оружіемъ.

Почему послѣ смерти выдающагося литературнаго дѣятеля начинается уже на его свѣжей могилѣ драка между представителями тѣхъ направленій, съ которыми боролся всю свою жизнь покойный? Не выгодно ли его врагамъ использовать невозможность самозащиты, согласиться съ нѣкоторыми его выводами, искаженными произвольнымъ толкованіемъ, чтобы тѣмъ легче побить специфическое направленіе писателя? Давая себѣ отвѣтъ на эти вопросы, мы никогда не комментируемъ Писарева, не мѣшаемъ и либеральнымъ кликушамъ искажать его мысли и глотать тѣ пилюли, которыя имъ преподноситъ ехидный реалистъ, но при цитированіи строкъ, съ которыми мы согласны, самостоятельно защищаемъ свои мнѣнія, не отправляя читателя искать аргументовъ въ трудахъ Писарева и не ограничивая ходъ своихъ мыслей соображеніемъ: «а вдругъ Писаревъ думалъ не такъ». Въ этомъ то и состоитъ одна изъ особенностей нашей школы: каждый защищается самъ за себя, каждый самъ себѣ воевода. И къ нашимъ противникамъ мы предъявляемъ то же требованіе. Уже нѣсколько разъ мнѣ пришлось услышать, что я искажаю критикуемое направленіе вырванными цитатами. Эта избитая и внушенная свыше фраза къ реалисту относиться не можетъ: я передаю точный смыслъ, цитатами стараюсь затронуть любознательность читателя, но не затѣмъ, чтобы заставить его удовольствоваться цитированными мѣстами и согласиться со мной, а затѣмъ, чтобы убѣдить его въ необходимости провѣрки моей критики въ самомъ критикуемомъ подлинникѣ. Ставя выше всего самостоятельность мышленія, я былъ бы глубоко удовлетворенъ, если бы мои статьи пробуждали въ читателяхъ это незамѣнимое качество. Лучшая критика — сдѣлать самихъ читателей критиками.

Р—ть.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

Imprimerie du «Réaliste».
Rue des Caroubiers, 3.
Genève.

Только одинаковый уровень средняго и высшаго образованія для всѣхъ жителей русской *республики* устранитъ капитализмъ и одураниваніе болѣе развитыми классами и людьми менѣе развитыхъ.

Марксъ мѣрялъ человѣчество, а слѣдовательно и интеллигенцію, пятачкомъ. «Классовое самосознаніе» пролетаріата было рекомендуемо лишь *по отношенію къ капиталистической буржуазіи*. Но вѣдь пропаганда среди пролетаріата ведется не пятачкомъ, а *мыслью*. Для того, чтобы пролетаріатъ могъ *всесторонне* понимать экономическіе и общественные вопросы, нужно развить въ немъ способность *мыслить*, т. е. *прежде всего позаботиться объ его всестороннемъ образованіи*. Здѣсь мы уже сталкиваемся съ необходимостью указать народу, что *прежде всего* онъ долженъ завладѣть умственнымъ богатствомъ страны и что образованные люди, какъ классъ *интеллектуальной буржуазіи*, должны имѣть *классовые инстинкты* послѣдней.

Несомнѣнно, что при коренной ломкѣ всего существующаго строя и при сохраненіи народнаго невѣжества во время соціалистической революціи можетъ возникнуть новый видъ эксплоатаціи однихъ людей другими. Пролетаріатъ поэтому долженъ прежде всего уничтожить корень зла, на которомъ растетъ эта эксплоатація.

Интеллигенція монополизируетъ знанія на матеріальныя средства угнетаемыхъ классовъ. На фабрикахъ учебныхъ заведеній пролетаріатъ производитъ товаръ, которымъ владѣетъ классъ интеллигентовъ.

Такъ какъ молодежь, заполняющая средніе и высшіе учебные заведенія, за незначительную сумму пріобрѣтаетъ знанія, равныя суммѣ денегъ, затраченныхъ на учебныя заведенія въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени и раздѣленныхъ на пропорціональное этому времени число учащихся, то мы получаемъ частное, которое чрезвычайно велико сравнительно съ средней, вносимой учащимся юношей, суммой. Если мы изъ этого частнаго вычтемъ среднюю плату за ученіе, то останется голая прибыль интеллигента, обокравшаго пролетаріатъ.

Будучи по своимъ инстинктамъ насквозь защитникомъ капиталистической буржуазіи, соціалистическая интеллигенція (включая фракцію ея, носящую данное ей соціалдемократіей названіе «интеллигентный пролетаріатъ»), какъ интеллектуальная буржуазія, должна всѣми силами препятствовать своему классовому умиранію.

Допустимъ, что интеллигенція «приноситъ жертвы народному дѣлу», и тогда мы должны допустить, что ея соціальное положеніе не даетъ ей повода къ своему собственному классовому недовольству.

Благодѣтельствуютъ либералы — демократы и интеллигенты — «соціалисты», бросая народу объѣдки со своего стола — низшее образованіе.

Какъ это можетъ буржуазія *не дать* возставшему русскому народу, или какъ можетъ *не быть* денегъ на народное образованіе, когда милліоны дюжихъ рукъ возьмутся за работу, чтобы сдѣлать своихъ дѣтей образованными людьми?

Капиталисты совѣтуютъ пролетаріату сбереженіями улучшать свою повседневную жизнь; соціалистическая интеллигенція совѣтуетъ «классовымъ самосознаніемъ» замѣнить всестороннее образованіе.

Научный соціализмъ создалъ новый видъ интеллигентной профессіи и оказался орудіемъ затемненія бѣдноты въ рукахъ соціалистической интеллигенціи.

По мѣрѣ развитія капитализма увеличиваются ряды интеллигенціи, дѣти которой наводняютъ учебныя заведенія. Интеллигентная профессія переходитъ, такъ сказать, по наслѣдству, и классъ растетъ, получая безпрерывное питаніе отъ размноженія и прилива новыхъ членовъ изъ разоряющейся мелкой буржуазіи.

Болѣе живые и способные юноши, нетерпимые въ русской школѣ, заполнили ряды писцовъ, мелкихъ служащихъ въ капиталистическихъ предпріятіяхъ и пр. Чахоточныя лица, вѣчное недоѣданіе, больныя дѣти, сидячая непосильная работа стали достояніемъ той русской молодежи, которая по своимъ задаткамъ могла бы быть красою родины. Этотъ интеллигентный пролетаріатъ нелегальной прессой старательно замалчивается; интеллигентнымъ пролетаріатомъ называются тѣ люди, которые, обокравъ съ двухъ сторонъ народъ, потерпѣли фіаско въ продажѣ похищеннаго; вести пролетаріатъ, конечно, кромѣ интеллигенціи, пока некому; надо ждать времени, когда «рабочій народъ съумѣетъ повсюду самъ выдвинуть изъ своей среды свою, народную интеллигенцію».

Увеличивающееся число браковъ образованныхъ женщинъ съ интеллигентными пролетаріями дѣлаетъ доступной оружію реалистическихъ идей ахиллесову пяту интеллигенціи.

Въ то время, какъ въ промышленныхъ странахъ крестьянство внѣ союза съ капиталистами, благодаря своей малочисленности, лишено возможности имѣть какую бы то ни было политическую силу, у насъ крестьянскія общины являются самымъ крупнымъ факторомъ политической и экономической силы низовъ народа и обратятъ въ иллюзію мечту капиталистовъ и соціалдемократовъ о крупномъ капиталистическомъ сельскохозяйственномъ производствѣ.

Было время, когда въ русскихъ монастыряхъ цѣли науки, когда духовенство насаждало въ народѣ грамоту и просвѣщеніе, когда ряды энергичныхъ священниковъ защищали русскій народъ отъ деспотизма властелиновъ — то было время патріарховъ. Со всей этой эпохой связаны грустныя и отрадныя воспоминанія русскаго народа, захватывающая народная музыка, рельефныя фигуры героическихъ лицъ добраго стараго времени.

Развѣ не красивое и трогательное зрѣлище представитъ свѣтлая заутреня, когда соціалисты - христіане при свѣтѣ горящихъ свѣчей будутъ обниматься другъ съ другомъ, и не затѣмъ, чтобы на слѣдующій день угнетать другъ друга?

Мы видимъ въ настоящее время, что русскій мелкій земледѣлецъ по стольку можетъ быть названъ мелкимъ собственникомъ, по скольку можно приложить этотъ терминъ соціалдемократическаго жаргона къ фабричному рабочему, имѣющему свой собственный подшипокъ.

Въ Россіи рабочій можетъ играть роль или преступнаго диктатора надъ крестьянскимъ населеніемъ, или слабаго союзника мелкаго земледѣльца — пролетарія.

Прерываемое и отбрасываемое на нѣсколько ступеней назадъ буржуазными революціями, но прогрессирующее при капиталистическомъ строѣ ухудшеніе соціальнаго положенія угнетаемыхъ классовъ создаетъ тѣ условія, при которыхъ растущее недовольство и проясняющееся сознаніе пролетаріата ведутъ соціалистическое движеніе къ разрыву исторической цѣпи капиталистической эксплоатаціи и къ конечной цѣли соціализма.

Изъ статей „Реалиста".

«Реалистъ» выходитъ ежемѣсячно въ размѣрѣ 16 страницъ въ четвертую долю листа. Для заграницы журналъ печатается на обыкновенной, для Россіи — на индійской (India Oxford) *бумагѣ. При обиліи матеріала и въ экстренныхъ случаяхъ выходитъ «Листокъ Реалиста». Всю корреспонденцію нужно посылать по адресу:*

Rédaction du «Réaliste».
Genève (Suisse). Acacias.